

СТУПИНА Т.Н.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА
(Материалы для самостоятельной работы магистрантов)

Саратов 2017

Саратовский государственный университет

им. Н.Г.Чернышевского

Т.Н. Ступина

Теория дискурса

(Материалы для самостоятельной работы магистрантов)

Учебное пособие

*для магистрантов факультета иностранных языков и лингводидактики
СГУ им. Н.Г.Чернышевского по дисциплине «Теория дискурса»*

Саратов 2017

УДК 81(075)

ББК 81-923

С 88

Ступина Т.Н.

С 88 Теория дискурса (Материалы для самостоятельной работы магистрантов): Учебное пособие для магистрантов факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ им. Н.Г.Чернышевского по дисциплине «Теория дискурса»

ISBN 978-5-9999-0004-3

Учебное пособие является материалом для организации самостоятельной работы магистрантов, изучающих дисциплину, посвященную основам теории дискурса.

В пособии предлагаются материалы для самостоятельного изучения и контрольные вопросы к ним, а также тематический план самостоятельной работы, список литературы, темы рефератов и вопросы для зачета. Пособие может использоваться также для написания выпускных квалификационных работ.

УДК 81(075)

ББК 81-923

С 88

Рекомендуют к печати:

кафедра немецкого языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
кандидат филологических наук, доцент *Е.В.Леонова*

УДК81(075)

ББК 81-923

ISBN 978-5-9999-0004-3

СОДЕРЖАНИЕ

- 1. Тематический план самостоятельной работы магистрантов**
- 2. Примерная тематика рефератов**
- 3. Материалы для самостоятельной работы**
- 4. Вопросы для зачета**
- 5. Список литературы**

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1. Тематический план проведения самостоятельной работы магистрантов

3-й семестр

Теория дискурса в системе наук о языке.

История возникновения и развития теории дискурса.

4-й семестр

Общая характеристика, категории и типы дискурса.

Языковая личность, ее типология.

Языковая картина мира.

Языковое сознание.

Коммуникативное поведение.

2. Примерная тематика рефератов

1. Структура и компоненты речевой деятельности.
2. Многозначность термина дискурс. Междисциплинарность теории дискурса.
3. Лингвистический статус теории дискурса.
4. Формальный и функциональный подходы к толкованию понятия дискурс.
5. Истоки двух подходов к интерпретации понятия дискурса. (З.Харрис, Э.Бенвенист)
6. Дискурс как сложное коммуникативное явление. (Ван Дейк, Фуко)
7. Коммуникативная теория текста как продукта реализации языковой системы в определенной сфере общения
8. Дискурс как речевая практика, интерактивная деятельность участников общения. (В.И.Карасик)
9. Дискурс – текст, взятый в событийном аспекте (Лингвистический энциклопедический словарь, Апресян).
10. Понятие институционального дискурса.
11. Дискурс как речевая практика, интерактивная деятельность участников общения. (В.И.Карасик).
12. Языковое сознание.
13. Коммуникативное поведение.
14. Языковая личность, ее типология.

3. Материалы для самостоятельной работы

Текст 1

Противопоставление: текст – дискурс

Вопросы к тексту:

1. Почему теорию дискурса относят к интегральным дисциплинам?
2. Как интерпретируются дискурс и текст в рамках формального подхода к изучению языка и речи?
3. Как интерпретируется понятие дискурса с прагмалингвистических позиций?
4. Как интерпретируется понятие дискурса с функциональной точки зрения?

Теория дискурса возникла раньше, чем «лингвистика текста», но именно ей было суждено воплотить в реальность замыслы последней.

Лингвистика текста развивается в нескольких направлениях: структурном, коммуникативном и лингвокультурологическом. Главной проблемой семиотики текста является определение того, что такое вымысел и как он функционирует в семиотическом мире человека. Главной же задачей теории дискурса является вскрытие путей, которыми интерпретатор «заставляет текст соотноситься с миром».

Изучение проблем, связанных со сверхфразовыми единствами, сложными синтаксическими целыми, привело к возникновению грамматики текста, что стало одним из мощных источников развития интегральной теории дискурса.

Одной из важных проблем остаётся соотношение текста и дискурса. Некоторые исследователи разграничивают эти два понятия по оппозиции письменный текст, устный дискурс. Такое различие весьма характерно для ряда формальных подходов к исследованию языка и речи. На основании этой дихотомии некоторые исследователи склонны разграничивать дискурс-анализ (объектом которого, по их мнению, должна быть лишь устная речь) и лингвистику (письменного) текста: «there is a tendency... to make a hard-and-fast distinction between discourse (spoken) and text (written). This is reflected even in two of the names of the discipline(s) we study – discourse analysis and text linguistics» (В настоящее время существует тенденция к жесткому разграничению между дискурсом (устным) и текстом (письменным). Это также отражено в двух наименованиях изучаемой дисциплины – дискурс-анализ и лингвистика текста), хотя такая дихотомия представляется не вполне работающей, так

как, например, доклад можно рассматривать одновременно и как письменный текст, и как публичное выступление.

Различие между текстом и дискурсом также проводится с помощью включения в данную пару категории «ситуация», где дискурс мыслится в контексте ситуативности, а текст – вне такой ситуации. Учет ситуативности и контекста нацелен, таким образом, на экспликацию того, что говорится, и того, что имеется в виду, т.е. локуции и иллокуции. Поэтому, интерпретация дискурса – есть, собственно, прагматическое и прагмалингвистическое исследование, где учитываются все культурно, социально и психологически значимые обстоятельства любого общения.

В функциональном подходе к анализу дискурса принято противопоставлять текст и дискурс по ряду оппозитивных критериев: «функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность и актуальность – виртуальность. Соответственно, различаются структурный текст как продукт и функциональный дискурс как процесс». Интересным представляется разграничение текста и дискурса, выполненное Теуном Ван Дейком: «Дискурс – актуально произнесенный текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного. Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности».

Текст 2

Понятие дискурса

Вопросы к тексту:

- 1. Что означает тезис о том, что понятие «дискурс» стало шире понятия «язык»?**
- 2. Сколько основных классов употребления термина дискурс выделяется в лингвистической энциклопедической статье?**
- 3. Как трактуется понятие «дискурс» в рамках лингвистического направления?**
- 4. Как трактуется термин «дискурс» с позиций постструктурализма?**
- 5. Что означает термин «дискурс» как особый идеальный вид коммуникации?**
- 6. В чем заключаются особенности трактовки понятия «дискурс» у различных авторов?**
  - Дебора Шифрин**
  - Зелиг Харрис**
  - Эмиль Бенвенист**
  - Патрик Серио**
  - Ю.С. Степанов**

- В.И.Карасик

7. Назовите типы дискурса с социолингвистических позиций.

8. Что означает тезис о том, что отношения между дискурсом и текстом носят опосредованный характер?

9. Что является средством оформления и выражения определенного дискурса?

10. Что означает трактовка дискурса как социального взаимодействия в современной лингвистике?

11. Какие коммуникативные функции языка принимаются во внимание в лингвистическом дискурс- анализе?

Итак, дискурс – это сложное явление промежуточного порядка между диалогом, речью, общением, с одной стороны, и фиксированным текстом с другой.

К настоящему моменту исследователями выделяются шесть основных направлений в разработке дискурса: теория речевых актов, интеракциональная социолингвистика, этнография коммуникации, прагматика, конверсационный анализ и вариационный анализ. Разработка и углубление этого понятия ведется такими дисциплинами как лингвистика (и многими самостоятельными лингвистическими ответвлениями, как прагма-, психо-, социо-, лингвокультурология), социология, антропология, философия, теория коммуникации, социальная психология и искусственный интеллект. Несомненно, такое обилие хотя и смежных, но разных наук, наложило отпечаток и на собственно понимание того, что такое дискурс. Как отмечает В.И. Карасик: «само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык»».

Философский словарь предлагает следующее определение понятия дискурсивный: «рассудочный, опосредствованный, в отличие от чувственного, непосредственного, интуитивного».

В лингвистическом энциклопедическом словаре дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте».

В другой лингвистической энциклопедической статье не дается однозначное определение этого явления, но выделяется три основных класса употребления термина «дискурс», соотносящихся с различными национальными традициями и вкладами конкретных авторов. В первом, лингвистическом, термин дискурс, имея различные дефиниции, употребляется с целью уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога. «С одной стороны, дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида; по афористичному выражению Н.Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь». С другой стороны, реальная практика современного (с середины 1970-х годов)

дискурсивного анализа сопряжена с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого прежде всего через обмен репликами.

Второй класс употреблений термина «дискурс» восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и прежде всего к М. Фуко, где под термином «дискурс» просматривается стремление к уточнению понятия стиля и индивидуального языка (политический дискурс, стиль Достоевского, язык Пушкина). Можно было бы сказать, что в таком понимании «дискурс» предстаёт как своеобразный стиль автора плюс его идеология.

И, наконец, с третьим пониманием «дискурса», которое восходит к трудам немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, связан «особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации».

Дебора Шифрин выделяет также три подхода в понимании этого явления: первый связан с формальной или структурной лингвистикой, представители которой определяют дискурс как «язык выше уровня предложения или словосочетания» – «*language above the sentence or above the clause*», т.е. дискурс – это ряд предложений, связанных по смыслу; второй, чисто функциональный подход, под дискурсом понимает всякое «употребление языка»: «*the study of discourse is the study of any aspect of language use*», где первостепенным является анализ функций языка в контексте социокультуры; последний подход в определении понятия дискурса подчеркивает взаимодействие формы и функции: «дискурс как высказывание»: «*discourse as utterances*». В этом случае возникают трудности с определением понятия «высказывание».

Теперь рассмотрим позиции авторов и их толкование этого сложного феномена с разных точек зрения. Прежде всего, необходимо упомянуть имя Зелига Харриса, введшего этот термин в лингвистику. В его представлении дискурс представляет собой связанную речь и письмо, и его нужно анализировать с помощью формальных процедур, сходных с дискрептивно-лингвистическими. В представлении Харриса анализ дискурса – это анализ высказываний, отрезка текста, больше предложения, то есть это – чисто формальный подход.

В отличие же от З. Харриса, Эмиль Бенвенист понимает под дискурсом экспликацию позиции говорящего в высказывании, что есть, собственно, функциональный подход. За пределами языкознания эта идея была позже развита Мишелем Фуко, который считал приоритетным установление позиции говорящего, но не по отношению к порождаемому высказыванию, а по отношению к другим взаимозаменяемым субъектам высказывания и выражаемой ими идеологии в широком смысле этого слова.

Патрик Серио называет восемь значений термина «дискурс»: 1) речь в сосюрсовском смысле, т.е. любое конкретное высказывание; 2) знак, превосходящий фразу; 3) в рамках теории высказывания или прагматики – воздействие высказывания на получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определённое место высказывания); 4) беседа, как одна из главных форм высказывания; 5) речь с учетом позиции говорящего в отличие от повествовательного типа высказывания; 6) употребление языковых единиц; 7) обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определённой социальной или идеологической позиции (например: «феминистический дискурс», «административный дискурс»); 8) теоретическое «сооружение», необходимое для исследования условий порождения текста.

Ю.С. Степанов дает следующую развернутую характеристику этому понятию: «дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – дом бытия».

Анализируя понятие дискурса, В.И. Карасик уточняет, как понимается это сложное явление (дискурс) в различных направлениях лингвистики.

В лингвофилософии дискурс – это речь, по-разному конкретизируемая в разных модусах человеческого бытия. При этом автор выделяет деловой (утилитарный) и игровой регистры дискурса. С позиции лингвистики речи дискурс – это процесс речевого общения, при котором наблюдаются всевозможные отклонения от стандартной, нормированной письменной речи. В социолингвистике дискурс – это интерактивный процесс взаимоотношений людей, принадлежащих к разным социальным группам, реализуемый в живой социальной среде. В этой связи выделяются типичные для того или иного общества речеповеденческие ситуации, например, институциональное общение, в котором выделяется ядро и периферия (градуальный, иерархический характер институционального дискурса: агент – клиент – маргинал). С позиции стилистики текст рассматривается как: 1) результат, а не процесс речи, обычно зафиксированный в письменном виде; 2) как интенция автора, обращенная к адресату; 3) при анализе учитывается жанр и тип текстов, и

4) текстовые категории (когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость и т.д.).

В современной социолингвистике исследуются следующие типы дискурса: политический дискурс, инфомационный дискурс, научный дискурс, религиозный дискурс, педагогический дискурс. В.И. Карасик анализирует два прагмалингвистических дискурса: юмористический и ритуальный.

Итак, дискурс предстает в виде текста, погруженного в реальное общение, имеющего многослойные и различные измерения. Дискурс, как правило, подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер какого-либо явления, текст же мыслится преимущественно как статический объект, результат данного явления. Иногда дискурс понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс, вписанный в контекст, и его результат (т.е. текст).

Ряд исследователей считает, что отношения между дискурсом и текстом носят опосредованный характер. Так, по мнению австралийского специалиста в области дискурс-анализа Гюнтера Кресса, дискурс имеет социальное происхождение, а текст – лингвистическое. Дискурс – это способ говорения, обусловленный социальными институтами и социальными отношениями. Именно эта социальная основа подчеркивается в таких выражениях как «юридический дискурс», «медицинский дискурс», «расистский дискурс», «сексистский дискурс». Особенности того или иного дискурса находят выражение в лингвистической форме. В свою очередь лингвистическая форма, представленная в тексте, репрезентирует специфические аспекты дискурса.

Кроме лингвистической формы, считает Кресс, роль посредника между социально детерминированным дискурсом и текстом выполняет такое образование как жанр. Жанры рождаются, чтобы обеспечить оформление и выражение определенного дискурса. Например, до середины XIX века в газетах не существовало такого жанра как «передовая статья». Его появление было обусловлено потребностью оформления нового дискурса. Жанр обладает модальным эффектом, который касается манеры прочтения текста. Так, выражение сексистского дискурса в жанре передовицы будет иметь иную модальность, чем в коротком рассказе. Любой отдельно взятый текст, отмечает Кресс, может быть результатом множества дискурсов, часто противоречивых, поскольку текст редко бывает цельным с точки зрения лингвистических особенностей, которые он содержит, или дискурсов, которые он выражает.

В настоящее время в лингвистике дискурс чаще всего рассматривается как родовое понятие по отношению к понятиям «речь», «речевой акт», «риторика», «текст», «диалог», «разговор», «интеракция», «контекст». В итоге в современной лингвистике дискурс стал трактоваться как речевое взаимодействие, в процессе которого смыкаются социально-ролевые, социокультурные, психологические, когнитивные и коммуникативные моменты.

Лингвистический дискурс-анализ получил широкое распространение в постсоветской России. В 90-е гг. XX века отечественная лингвистика признала научную правомерность дискурс-анализа и начала активные исследования языка и языковой культуры с позиций дискурсной парадигмы.

Решающую роль в формировании лингвистических теорий дискурса сыграло широкое внедрение коммуникативного подхода в лингвистические исследования, в результате чего появилось направление под названием «коммуникативная лингвистика».

Коммуникация в лингвистических исследованиях дискурса рассматривалась как интеракция, в процессе которой происходит трансляция, внушение и интерпретация культурных смыслов, влияние друг на друга участников коммуникации посредством языковых форм.

Ключевыми понятиями лингвистического дискурс-анализа являются «тема дискурса», «контекст дискурса», «фрейм», «сценарный фрейм», «дискурсивный акт», «репликовый шаг», «дискурсивно-ролевой обмен», «коммуникативная стратегия».

В лингвистическом дискурс-анализе при исследовании дискурсивных актов принимаются во внимание следующие коммуникативные функции языка как вербальной знаковой системы:

когнитивная – использование языка для создания концептуальной модели мира, позиционирования и идентификации объектов и феноменов реальности, описания событий и фактов;

побудительная – функция активизации адресата;

статусно-ролевая – указание посредством лингвистических форм на социальный статус, характер социальной дистанции и ролевые характеристики участников коммуникации;

эмотивная – вербальные способы выражение эмоций участниками коммуникации, создание определенной эмициональной атмосферы общения;

персуазивная - функция убеждения, внушения и заражения;

метадискурсивная – объяснение, дешифровка и интерпретация смыслового содержания сообщений;

фатическая – установление и поддержание контактов;

риторическая – использование образно-выразительных средств, фигур и приемов речи, привлекающих внимание аудитории, стимулирующих процесс понимания;

репрезентационная – вербальные способы представления и продвижения определенных идей, концептов, взглядов, мнений, позиций, образов, имиджей и т.д.;

композиционная - организация в определенный порядок, построение в ту или иную последовательность и конфигурацию смысловых единиц текста и речи (дискурсивный синтаксис).

Текст 3
Лингвосинергетический дискурс-анализ

Вопросы к тексту:

- 1. Что означают понятия «профаза» и «эпифаза» в лингвосинергетическом дискурс-анализе?**
- 2. Как интерпретируется понятие «дискурс» в лингвосинергетической модели В.Г.Борботько?**
- 3. Что такое синергии?**
- 4. Что означает контекстная матрица?**
- 5. Что означает утверждение о том, что контекстные матрицы дискурса, обладающие этнокультурными особенностями, рассматриваются с позиций их символьной функции?**
- 6. Почему метатекст можно представить как некую контекстуальную макро-матрицу?**

Одним из новейших направлений в лингвистическом дискурс-анализе является лингвосинергетическая теория дискурса. При раскрытии основных идей и положений, разрабатываемых данным направлением, мы будем обращаться к работе В.Г. Борботько.

Борботько В.Г., рассматривая дискурс как коммуникативную интеракцию, подчеркивает взаимоусиливающий характер двух основных фаз речевого действия – подготовительной фазы или профазы (высказывание, содержащее установку на обсуждение определенной темы, сигнал, команда) и исполнительной фазы или эпифазы (вербальные резонансы, в которых заданная тема получает свое смысловое развертывание – ответные реплики, фразы, исполнения команд).

Взаимосвязь профазы и эпифазы представлена как взаимодействие энергетических зарядов. Заряд профазы есть проекция прошлого в настоящем (ретроспекция). Заряд эпифазы - проекция будущего (перспектива), представляющая собой суггестивную ориентацию. «Всякое речевое действие, простое или комплексное имеет свое семантическое основание (предысторию) и семантическое продолжение. Оно имеет двунаправленный энергетический заряд, или потенциал, действуя референтно, или эвокативно, вызывая некоторое представление о том, чем оно обусловлено, и эфферентно, или суггестивно, индуцируя некоторое предвосхищение того, что оно может повлечь». К примеру, глагол «войти» эвокативно указывает на нахождение субъекта вне помещения, а суггестивно – внутри, а глагол «выйти» эвокативно указывает на нахождение внутри, а суггестивно – вовне.

Дискурс в его лингвосинергетической модели представляется как нелинейная связь профазы и эпифазы, как их разветвление. Структура дискурса рассматривается как фрактальная, телескопическая, организованная «по принципу вложенности одних компонентов в другие».

«Само слово «дискурс» (фр. discours от лат. discursus), – отмечает Борботько, – этимологически означает `разбегание, развертывание, противопоставление. На общей линейной основе, соответствующей линейности речевого канала, создается расходящийся дискурсивный узел. При многократном расщеплении фазовой траектории, каждый полученный сегмент является фазой в составе более крупного сегмента (синтагмы), что в итоге дает фрактальную структуру дискурса, состоящую из вложений одних сегментов в другие. Это телескопическое, самоподобное строение дискурса, предоставляющее возможность сравнительно легко свертывать дискурсивную структуру в ретракты различного объема (вплоть до отдельного высказывания, словосочетания и слова), обусловлено тем, что в основе всей дискурсивной конструкции лежит процедура рекурсии».

Рекурсия – это операция многократного присоединения эпифазы к профазе. Все случаи повторения слов и структур связаны с рекурсией. Фрактальное (телескопическое) строение дискурса – результат действия рекурсии. В ходе ветвления дискурсивной структуры возникают явления смысловой дивергенции. Дискурсия действует нелинейно, создавая расщепления – смысловые узлы. В этой связи можно сказать, что дискурсивное пространство структурно напоминает Интернет.

Произвольный набор слов (книга, шапка, приказ, столы) или высказываний, отмечают Борботько, еще не образует дискурс. Для того, чтобы образовался дискурс, необходима смысловая опора высказываний друг на друга. Иначе говоря, необходимы некие узловые точки (наподобие точек бифуркации в синергетике).

Примером, иллюстрирующим процедуру разворачивания контекстуальных матриц дискурса, может служить английское фольклорное произведение «Дом, который построил Джек».

Начиная со второй фразы, каждое новое слово здесь самоопределяется относительно предшествующего дискурса, причем в ходе этой процедуры происходит самоподобное развертывание дискурса с четким ступенчатым наращиванием фрактальной структуры:

Вот дом, который построил Джек.

А это пшеница, которая хранится в доме, который построил Джек.

А это крыса, которая ест пшеницу, которая хранится в доме, который построил Джек.

А это кошка, которая ловит крысу, которая ест пшеницу, которая хранится в доме, который построил Джек... (и т.д.).

При каждом повторе в разных фразах дискурса происходит приращение смысла.

Узлами дискурсивной сети, считает Борботько, выступают метатипы или смыслопорождающие модели.

Основное назначение метатипа состоит в создании сопряженных смыслов – «синергий». Синергией, в частности обладают паралогические утверждения, сближающие, казалось бы, несопоставимые вещи, которые в формальной логике расцениваются как нелепые, например, «слепой увидел, немой закричал». Однако, при нахождении некоторого вероятного основания для парадоксального сближения противоположностей, выражение, трактуемое как нелепое, может обрести свой смысл. Такой же потенциальной синергией обладают загадки. «В загадках тоже требуется найти основание странного сближения далеких друг от друга объектов; в загадке поиск направлен на величину, вероятную при заданных параметрах: Крыльями машет, а подняться не может – Ветряная мельница; Без тела – говорит оно, без языка – кричит – Эхо».

Синергией обладают также загадки, в которых для ответа требуется найти основание, оправдывающее паралогизм. Модель-метатип открывает простор для игровой импровизации. Метатип – это матрица, которая формирует смысл. «Эта модель выполняет функция, сравнимую с функциями абстрактных языковых операторов: союзов, предлогов, аффиксов, отрицания и других модальных операторов, глаголов действия и отношения».

Метотип в составе дискурса представляется в качестве контекстной матрицы, управляющей смыслом в плане его трансполяции. Другими словами, метотип – это контекстный трансполятор (пернощик) смысла. В результате одно и то же высказывание, попадая в разные контекстные матрицы, подвергается трансполяции, то есть приобретает различные смыслы. Например, фраза «Он играет на скрипке» может иметь следующие смысловые значения: 1) он умеет играть на скрипке; 2) он сейчас играет на скрипке. Аналогично удваиваются смыслы в пословицах и поговорках: «Штопай дыру, пока невелика», «Куй железо, пока горячо».

В тождественных этнокультурных матричных контекстах разные по форме высказывания имеют одинаковый смысл. К примеру, русская пословица «И волки сыты, и овцы целы» и французская – «Угодить и козе и капусте» относятся к одной и той же контекстуальной матрице.

Контекстное переосмысление высказываний лежит в основе полисемии метафоры и метонимии. «Метафоры и метонимии – результаты той же контекстной перекалибровки».

Метонимии – это семантическое расподобление фразы посредством помещения ее в разные контексты (ср.: Язык – орган речевой артикуляции, язык – средство общения). Метафора – семантическое уподобление разных единиц языка, помещенных в один и тот же контекст (ср.: На ветках блестели капли росы. – На ветках блестели бриллианты росы).

Контекстные матрицы дискурса, обладающие этнокультурными особенностями, рассматриваются с позиций их символической функции. В качестве опорных для той или иной культуры дискурсных матриц-символов называются базовые мифы, легенды и эпосы народов мира:

«Таковы эпос о Нартах у народов Кавказа, эпос о Манасе у киргизов, Калевала у финнов. Некоторые дискурсы приобрели совершенно определенный этносимволический характер при формировании нового этноса: миф о близнецах Ромуле и Реме – дискурс-символ римского этноса, легенда о Вильгельме Телле – дискурс-символ швейцарского суперэтноса, состоящего из разноязычного населения. «Песнь о Роланде» стала опорным дискурсом в формировании единого этноса на территории Франции. «Песнь о Сиде» стала символом консолидации испанского этноса, выстоявшего многовековое засилье мавров. Легенда об Уленшпигеле стала символом Фландрии. Библия – символом христианского суперэтноса, Коран – мусульманского».

На уровне межкультурного общения дискурс – это также символическое образование, открывающее окно в другую культуру.

В книге Борботько имплицитно содержится ценная мысль о том, что дискурсы-символы обладают синергией, то есть способностью наращивать смысловые слои и стимулировать процедуру смыслового развертывания. При дискурсивном развертывании символа образуется модель-интерпретация. Совокупность интерпретационных моделей составляет основу метатекста. Метатекст можно представить как некую контекстуальную макро-матрицу. Структура метатекста телескопична как и структура дискурса.

Текст 4

Лингвистический анализ политического дискурса

Вопросы к тексту:

- 1. Что является предметом изучения современной политической лингвистики?**
- 2. Что предполагает когнитивный подход к изучению политического дискурса?**
- 3. Что предполагает лексико-семантический подход к изучению политического дискурса?**
- 4. Что предполагает лексико-стилистический подход к изучению политического дискурса?**
- 5. Что предполагает нарративно-репрезентационный подход к изучению политического дискурса?**

В рамках лингвистического дискурс-анализа стабильно активно развивается направление, получившее название «политическая лингвистика».

Предметом изучения современной политической лингвистики являются тексто-речевые и коммуникативно-риторические характеристики политического дискурса. Дискурсивный подход к анализу политических текстов – важнейший постулат политической лингвистики.

Дискурс в политической лингвистике рассматривается с позиций следующих основных подходов: 1) когнитивный, 2) лексико-семантический, 3) лексико--стилистический, 4) нарративно-репрезентационный.

Когнитивный подход к политическому дискурсу предполагает исследование его ментальных структур, к которым относятся стереотипные и стандартные представления о мире политики, отличающиеся структурной и образно-эмоциональной устойчивостью. Таковые в частности - стереотипные образы различных национально-этнических общностей, отдельных государств, дуальные стереотипы «свой/чужой», «наши/ненаши», формирующие образы «друзей» и «врагов».

Одним из центральных предметов анализа когнитивной политической лингвистики выступают метафорические модели политических текстов.

Здесь следует особо подчеркнуть, что в политических текстах и коммуникациях метафора выступает не только риторическим украшением и средством пополнения политического лексикона, но и способом конструирования и передачи смыслов политических высказываний, феноменов, событий и процессов. Другими словами, метафоры - это смыслообразующие компоненты политического дискурса. Возникновение новых явлений и процессов в политической жизни неизбежно сопровождается появлением новой политической метафорики, создающей особые смысловые констелляции («созвездия» смыслов). Политическая лингвистика исходит из того, что вся политическая терминология представляет собой систему метафор, то есть перенос понятий из неполитической семантической системы в сферу политического дискурса. В числе активно эксплуатируемых и трансплантируемых в политический дискурс семантических систем – военная, анималистская, спортивная, строительная, ориентационная. Отсюда – распространенность военной, анималистской, спортивной, строительной и ориентационной метафорики в политическом дискурсе. Примерами могут служить такие широко используемые в современной политической лексике термины как «холодная война», «ястребы» и «голуби», «избирательная гонка», «перестройка», «левые», «правые».

В политическом дискурсе также широко распространена цветовая метафорика: «красные», «белые», «черно-коричневые», «зеленые», «оранжевая революция» и др.

Предметом пристального внимания в когнитивной политической лингвистике являются политические концепты. Под концептом подразумевается определенное множество стереотипных ментальных схем-образов, представлений, суждений, интерпретаций, мнений, которые образуют общее дискурсивное пространство – концептуальный домен. Политический концептуальный домен в «свернутом» виде вербально обозначается абстрактным понятием, дающим имя или название

определенному дискурсивному пространству, наподобие названия архивированного файла. Примерами такого рода концептуальных названий-имен в политической концептосфере являются понятия «власть», «государство», «гражданин», «революция», «свобода», «справедливость», «демократия», «солидарность», «капитализм», «социализм», «империя» и т.п., а также – производные от данных понятий: «власть народа», «правовое государство», «гражданское общество», «буржуазная революция», «демократические свободы» и т.д.

В живой практике политического дискурса осуществляется «развертывание» образно-смысловых и прочих ментальных структур политических концептов. В результате концепты реализуются на уровне конкретных метафорических образований и идеологем.

Политическая концептосфера подвижна и динамична. В ней происходят серьезные изменения в условиях глубоких социально-политических и иных перемен в жизни общества. Процессы глобализации и информатизации ускоряют трансформационные изменения в политической концептосфере, способствуют рождению новых понятий-доменов и связанных с ними метафорических рядов. Данные процессы в политической лингвистике обозначаются понятием «переконцептуализация картины мира».

Особенно широкое распространение в политической лингвистике получили исследования концептуальной метафорики и ее инновационных преобразований. В России и за рубежом в конце XX - начале XXI в. появляются фундаментальные исследования большого и разнообразного корпуса концептуальных метафор, возникших в новых политических реалиях и характеризующих политический дискурс «эпохи перестройки», постсоветской России, Новой Европы. К разновидностям инновационных концептуальных метафор относятся, в частности, такие метафоры как: «постсоветское пространство», «демократический транзит», «дорожная карта», «сетевая демократия», «цветная революция», «вертикаль власти», «марш несогласных».

Формами конкретизации концептов являются идеологемы.

Идеологемы – это идеологически-ориентированные интерпретационные модели политических концептов. К примеру, концепт «справедливость» по-разному интерпретируется, вербально раскрывается и образно репрезентируется в дискурсе марксизма, анархизма, большевизма, социал-демократии, национал-социализма, неолиберализма, социал-либерализма, неоконсерватизма и других идейно-политических течений.

Первичными (документальными) источниками исследования идеологем выступают программные документы политических партий и движений, доклады и речи политических лидеров, протоколы партийных форумов и парламентских заседаний, публикации в политической прессе, предвыборные материалы, электронные записи выступлений политиков в прямом эфире.

Вторичными (литературными) источниками исследования идеологем являются научные труды, публицистические произведения, мемуары, биографии и автобиографии представителей определенных идейно-политических направлений.

Лексико - семантический подход к анализу политического дискурса направлен на изучение семантики языковых структур (фонетических, морфологических, синтаксических) и лексем конкретных политических высказываний и текстов. В последнее время появились специализированные лексико-семантические дискурс-исследования политической афористики, инаугурационных речей, ежегодных президентских посланий, политической рекламы, политических слоганов. Данный подход включает исследования устойчивых композиционных приемов, тематического репертуара политических речей и текстов, экспликаций идеологических представлений в политическом дискурсе.

В политическом консалтинге лексико-семантические исследования политических текстов носят сугубо прагматический характер, поскольку результаты данных исследований выполняют функцию описания и выявления эффективных техник дискурсного воздействия на общественность и избирателей. Так, к примеру, морфологический анализ политического слогана (использование глаголов, имен существительных, местоимений, прилагательных, предлогов и т.д.) производится с позиций технологических приемов, обеспечивающих наилучшее запоминание у адресной аудитории имени политика, партии, девиза, а также позволяющих наиболее четко осуществить позиционирование определенного политического субъекта по отношению к его конкурентам.

На основе лексико-семантического дискурс-анализа специалисты в области политической слоганистики формулируют определенные рекомендации по конструированию слоганов. Среди таких рекомендаций можно выделить следующие:

использование в слоганах личных и притяжательных местоимений, предпочтение следует отдавать множественным местоимениям, таким как «мы», «свой», «наш», «наши» («Это наш город»; «N – наш кандидат!»; «4-й канал – канал для своих»; «Свой среди своих» и т.п.);

множественные местоимения лучше всего сочетать с наречиями включения в определенное множество, идентичное сообщество, такими как «вместе», «в единстве», «друг с другом». Например: «Мы вместе!»; «Вместе мы сможем все!»; «В единстве – наша сила!», «Когда мы едины – мы непобедимы!», «У нас единая судьба»; «Мы дадим друг другу волю»; «Станем добрее друг к другу»;

стремиться к тому, чтобы как можно реже использовать отрицательные частицы «не», «ни» в отношении продвигаемого политического субъекта; их применение уместно лишь тогда, когда они работают на усиление смысла в слоганах-противопоставлениях и слоганах-отрицаниях. Например: «Ни войны, ни мира, а армию распустить!»; «Мы

не боремся с коммунизмом, мы боремся с нищетой»; «Кто, если не мы?!»; «Не промахнись, сделай правильный выбор!»;

в слоганах, предназначенных для избирательных кампаний, электоральная и сугубо политическая терминология (Государственная Дума, Президент, Парламент, Политическая Партия, Кандидат, Мэр и т.п.) должны занимать всего несколько процентов лексической массы; наиболее удачными являются слоганы, целиком составленные из слов, обозначающих общие цели и кредо политического субъекта и адресной аудитории («Чиновников – под жесткий контроль!»; «Не врать и не бояться!») или вектор общего движения («Россия, вперед!»);

в слоганах-призывах и слоганах-обращениях основную лексическую массу составляют слова, обозначающие процедуру определенного выбора («А ты записался в Красную Армию?!», «Сделай правильный выбор!»).

Одним из исследовательских направлений лексико-семантического анализа политического дискурса является изучение процесса модернизации политической лексики, смены доминирующих идеологем в лексиконе конкретных политиков и политических институций.

Например, в последнее время в поле зрения политических лингвистов оказались такие новые идеологемы, обогатившие современный политический лексикон, как «ось зла», «однополярный мир», «мультикультурализм», «левый поворот», «вертикаль власти», «монетизация льгот», «суверенная демократия», «отложенный суверенитет», «голодомор».

Политическая лексика рассматривается как один из наиболее подвижных пластов языковой системы: одни слова, термины и фразеологизмы уходят из активного употребления или становятся архаизмами, на их место приходят новые лексические единицы или такие, которые ранее находились на периферии лексического политического пространства.

Лексико-фразеологические инновации оказываются наиболее динамичными и радикальными в эпохи радикальных политических перемен. При этом происходит резкая смена ценностных и интерпретационных характеристик ранее господствующих идеологем. Так, к примеру, в начале 90-х гг. в России понятие «социализм» оказалось существенно дескредитировано благодаря массивным выступлениям в СМИ радикально ориентированным политическим либералам. Социализм стал трактоваться как разновидность тоталитарного режима, имеющая значительное сходство с нацизмом, как тупиковый путь общественного развития, ведущий к экономической, политической и культурной отсталости. Особый акцент делался на невозможности развития политических и экономических свобод при социализме. Такого рода трактовки социализма, получившие широкое распространение в российских СМИ, постепенно начали утрачивать свое доминирующее положение в дискурсе российской политической элиты, включая медиаэлиту. В 2005 - 2008 гг. наметился левый поворот не только в

сознании российских граждан, но и в ценностных ориентациях определенной части властных кругов и политических журналистов. Понятие социализма стало вновь обретать позитивные смыслы. Получили общественное признание и популярность такие его дискурсные компоненты как «социальная справедливость», «социальная защищенность», «капиталистическая эксплуатация». В СМИ появились сдержанно позитивные сюжеты о лидерах левого движения (Фидель Кастро, Че Гевара, Уго Чавес).

В то же время в политическом дискурсе правящего класса целого ряда Новых Независимых Государств, возникших на постсоветском пространстве, лексические инновации характеризуются не только радикальным пересмотром смыслового ядра идеологем, но и усилением лексической агрессивности, направленной в сторону деконструкции позитивного образа России. Официальную санкцию получают учебники истории, в которых идеологема «советский режим» трактуется как синоним понятий «тоталитарный режим», «колониальный режим», «империя зла», «тюрьма народов».

Особенностью нарративно-жанрового подхода в политической лингвистике является концентрация внимания исследований на жанровых особенностях нарративов, описывающих, конструирующих и репрезентирующих в вербальной форме политические судьбы людей и институтов власти, политические события – исторические, коммуникативные.

Под нарративом обычно подразумевается рассказ, повествование о чем-то, подчиняющемся законам определенного коммуникативного и литературного жанра.

Политический нарратив представляет собой комплекс устойчивых образов-высказываний, конструирующих более или менее целостную картину политической жизни, политических событий, рисующих политические портреты.

Политический нарратив как вербальное образование обладает разветвленной знаково-тематической структурой более частных высказываний, выступающих стереотипными компонентами конструируемого целостного образа. Например, нарратив «Великий Октябрь» включает следующие стереотипные фигуры, представляющие собой определенные знаковые конструкторы: «залп Авроры», «взятие Зимнего Дворца», «Ленин – вождь мирового пролетариата», «Вся власть Советам!», «фабрики – рабочим, земля – крестьянам», «триумфальное шествие Советской власти», «экспроприация экспроприаторов», «мировая революция», «победа большевиков», «коммунистический интернационал», «кто был никем, тот станет всем», «10 дней, которые потрясли мир», «план ГОЭЛРО».

Политические нарративы дифференцируются в зависимости от объема высказываний и от жанровых особенностей.

Выделяются малые формы и жанры политического нарратива (приветственное слово, поздравление, благодарность, соболезнование, политический лозунг, анекдот, тост), средние (инаугурационная речь, заявление, обращение, декларация, конституция, государственный гимн, протокол встречи, аналитическая записка, политическая биография, политический портрет, репортаж, новостная хроника дня, недели, политические слухи), крупные нарративные формы и жанры политического дискурса (ежегодное послание президента, доклад, отчет, актовая лекция, документальная повесть, политический детектив, политический триллер, политическое завещание, политическая пьеса, политическое ток-шоу, политический роман).

Исследования показали, что малые нарративные формы отличаются устойчивой композиционной структурой, преобладанием фатики и ритуальности над информативностью. Средние нарративные формы отличаются большим разнообразием лексического, и тематического репертуара, богатством риторических фигур, коммуникационной подвижностью. Однако способы репрезентации среднего нарративного дискурса в значительной степени регламентируются политическим протоколом и жанровыми традициями.

Наиболее аморфными, смешанными и эклектичными по своей структуре и жанру являются крупные нарративные формы политического дискурса.

Текст 5

Теория дискурса и межкультурная коммуникация

Вопросы к тексту:

- 1. Как определяется понятие межкультурной коммуникации?**
- 2. Что означает тезис о дискурсивном повороте в современном обществе?**
- 3. Каковы основные вехи в развитии понятия «дискурс»?**
- 4. Почему дискурсивные практики называют «олитературиванием науки»?**
- 5. Что означает дискурс в социальном контексте?**
- 6. Поясните смысл высказывания о том, что дискурс выражает ментальность?**
- 7. Что включает в себя дискурс как целостная система?**
- 8. Что означает дискурсивный микро-анализ языка и дискурсивная нарратология?**
- 9. Что включает в себя социолингвистическое направление в изучении дискурса?**
- 10. Что означает критический дискурсивный анализ?**

Межкультурная коммуникация обычно подаётся как средство снижения этноконфессиональной напряженности, инструмент формирования поликультурного общества. Мало изучена её связь с личным знанием, имплицитными и эксплицитными слоями культуры, а также с ролью дискурсивности современного общества.

Тезис о дискурсивном повороте в современном обществе ярко и выразительно выражен в монографии ведущего российского философа В.А. Кутырёва, посвященной постмодернизму, в частности в высказывании: «Дискурс (есть) текст, высказывание вместе с социальной практикой, к которой он принадлежит и которую несет в себе». Миллионы людей (в развитых странах большинство) в настоящее время заняты тем, что говорят и пишут – производством дискурсов, их судьба тоже определяется ими. Слово стало делом. Власть реализует себя прежде всего в речевой практике – дискурсе, особенно вооруженном техническими средствами массового распространения. Если перейти от археологии знания к актуальной действительности, то роль дискурса в том, что конструирование его определенного типа продуцирует соответствующие предметы и поведение людей. Что касается информационно-компьютерной технологии, то здесь дискурс – это ее непосредственный материал и продукт. Компьютерщик живет и действует, «практикует» только в форме текстов-высказываний.

Попытаемся разобраться что же стоит за этим понятием. Термин дискурс (англ. discourse, лат. discursus) пришёл к нам из Средних веков, где оно означало рассуждение, речь; движение познания от посылок к выводу (как в силлогизме) и таким образом противопоставлялось непосредственному или интуитивному познанию. Выделялось два вида дискурсов: 1) последовательный (движение от познанного к непознанному), 2) каузальный (движение от принципов к заключениям). Один из первых исследователей дискурса в России, Ю.С. Степанов поэтому и выбирает в качестве базового определения, следующее: «последовательность элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п.».

Таким образом, прежде всего, дискурс – это текст (лат. textus – ткань), который в процессе чтения во внутреннем мире читателя превращается в речь, которая живет своей собственной жизнью. Это вербальная, описательная реальность, которая выявляет и высвечивает себя и языком, и письмом, и речью, и высказыванием, и говорением. Именно в таком значении понятие стало использоваться во Франции в 60-х годах прошлого века. Если раньше, в 50-х его узус был «публичное выступление» и ни более, то когда термин стал на слуху, он объединил в себя различные оттенки смысла: «текст», «теорию», «стилистически окрашенная речь», «логос», «сверхфразовое единство», «социально-упорядоченный механизм порождения речи», «живое осознанное представление текста в опыте пишущих и читающих».

Дж. Реали, Д. Антисери в многотомном издании по истории философии используют термин как синоним «речь, диалог, рассуждение»: сократический дискурс, платоновский дискурс. Аналогично Е.Н. Молодцова противопоставляет дискурсивную философию – созерцательной, а дискурсивно-логическое (рассудочно-дискурсивное), словесно-рефлексивное знание – интуитивному, которое является беспредпосылочным, и не записывается знаками. Автор обращается с античному противопоставлению дианои (рассудка) и нуса (ума). Рассудочная деятельность, где слово сражается с другим словом представляется низшей по иерархии и непригодным для достижения целостности человека.

Латинское *discursus* (причастие от глагола *currere*, бегу) видимо является переводом греческого «дианои» – движение мысли вперёд и назад, разум, выговаривающий сам себя у Платона; мыслящая часть души у Плотина. Близкими категориями будут «логос», «диалектикэ», а противоположными – «ноэзис» (интуитивное понимание), невербальная, внелингвистическая коммуникация.

В этом контексте дискурс – это отличительная особенность гуманитарных наук, где доказательство ведётся пропозиционно, в отличие от демонстративных естественных наук. Л.П. Киященко называет поэтому дискурсивные практики «олитературиванием науки», когда в «в арсенал средств современной науки введены представления о стилях научного мышления, альтернативных точках зрения, научные парадигмы (как коллективной договоренности единомышленников), образов и картин мира, допущений в форме умолчания, символов, метафор и т.д. Вся эта атрибутика гуманитарного знания была и присутствует сейчас в естественнонаучном знании, постоянно нарушая чистоту традиций классического рационализма».

В более широком смысле дискурс может пониматься как близкий термин для любой устойчивой совокупности высказываний (мнения, интерпретация, концепция, теория), за которыми стоят социальные группы. Можно продолжить ряд близких понятий: тренд, направление, течение; парадигма; дискуссионное поле, рассуждение (напр. дискурс о модерне – Ю. Хабермас).

Дискурс в социальном контексте – это ценностное языковое сообщество, полевая формация, где участники «нащупывают» адекватный язык описания реальности, подтверждают принадлежность к некому смысловому кластеру, воспроизводят коллективную идентичность (производственные, политические, религиозные и иные группы). Отсюда целый пласт понятий, связывающих знания, интересы, высказывания и власть, политику, описанных во французской философии 20 в.: дискурс рациональности как дискурс власти в эпоху Просвещения, властные дискурсивные практики, власть как дискурсивный феномен, коллективный дискурс (Р. Барт), идеологии и дискурсы групп.

Вследствие конкуренции классов и групп, образуются публично декларируемые, доминирующие властные дискурсы и скрытые, в которых можно обнаружить другое описание статус кво. В мире вещей дискурс «склеивает» разнородные вещи в ансамбли, диспозитивы, включающие в себя социальные институты, архитектуру, законы, научные и философские положения; вместе с тем, дискурс бессубъектен, здесь нет «кто против кого», он сродни коллективному бессознательному (М. Фуко). Анонимность и креативность составляют внутренний нерв дискурса, в котором сообщение – это не информация, а внутренняя необходимость по самоидентификации ценностной группы; дискурс состоит из конститутивных установок и выражает ментальность благодаря своей событийной серийности.

В филологии Ц. Тодорова дискурс – это зафиксированные в них ментальные структуры, в отличие от «материального» текста. Дискурс тогда относится к акту высказывания (вербализируемому значению), а текст – к высказыванию (фиксированному тексту).

Э. Лакло рассматривает дискурс как политическую артикуляцию коллективной идентичности; социальный порядок, в котором нет разделения на базис и надстройку, а скорее присутствует нетопологическая смысловая тотальность.

Аналогичную трактовку предлагает А.П. Огурцов, называя дискурс целостной системой, включающей в себя способ мышления, теоретическую систему, поведенческие практики, навыки познания, регулятивы профессиональной деятельности.

Дискурс, образующий социальное поле присутствия, может быть выстроен вещами, графикой (математический дискурс), но не обязательно языком: «...всякое значимое единство независимо от того, является ли оно словесным или визуальным; фотография будет для нас таким же сообщением, что и газетная статья; любые предметы могут стать сообщением, если они что-либо значат». Этим дискурс-поле отличается от дискурса-ткани, который существует как «вербальный текст, отличный от других форм воплощения текстового сознания: графических, живописных, пластических, музыкальных, числовых и т.д.» .

Термин «дискурс» имеет два основных значения: 1) микро анализа языка, языковая прагматика, как используется язык в каких-то контекстах, 2) нарратология знания, вышедшая из объёма неких первичных текстов.

Дискурс – это не только социалькультурная телесность, языковой материализм (В.А. Кутырёв), он стал также методологией.

Социолингвистическое направление французской школы (Р. Барт, М. Фуко, М. Пеше, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, П. Серио) изучает определенные социальные закономерности функционирования текстов в обществе.

Существует также семиотико-лингвистический метод – критический дискурсивный анализ (КДА), с помощью которого исследуется идеологическая функция языка. Голландский исследователь Ван Дейк на

основании изучения газетных новостей, речей учёных, парламентских дебатов, корпоративных нарративов демонстрирует, как дискурс становится частью воспроизводства тех или иных идеологий. Ю. Хабермас также связывает дискурс с прагматикой речи: это политика знания, управление определённой нормативной лексикой: власть, доминирование, идеология, контроль СМИ, экспертократия, класс, вины, раса, гендер, этнические меньшинства, чёрные, беженцы, терроризм, тоталитарная секта, промывка мозгов, гипноз, дискриминация и т.п. КДА выделяет микро и макро уровни социального порядка, а также предлагает следующую матрицу для изучения: индивиды – группы, социальные акты – процессы, структуры – контексты, личное – общественное знание.

Текст 6

Теория речевых актов в современной лингвистике

Вопросы к тексту:

- 1. В чем заключается важнейшее положение теории речевых актов?**
- 2. Дайте Ваш комментарий о задачах теории актов.**
- 3. Какие дисциплины выделяются в рамках общелингвистического подхода к теории речевых актов?**
- 4. В чем заключается сущность понятия речевого акта и его основных характеристик в духе М. Хэллидей?**
- 5. В каких направлениях усовершенствуется эта теория в современной лингвистике?**
- 6. Какова классификация речевых актов?**

Речевой акт, минимальная единица речевой деятельности, выделяемая и изучаемая в теории речевых актов – учении, являющемся важнейшей составной частью лингвистической прагматики.

Одно из положений теории речевых актов состоит в том, что минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение или высказывание, а «осуществление определенного вида актов, таких, как констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т. д. ». Эта установка оказалась созвучной тем взглядам в современной лингвистике, для которых характерно стремление выйти за пределы предложения, раздвинуть рамки лингвистического анализа. Такое расширение исследовательского кругозора – не самоцель, а средство «разгрузить» семантическое описание предложения и текста, удалив из него некоторые компоненты общекоммуникативного порядка.

С теорией речевых актов лингвисты связывают следующие надежды:

1) выйти за пределы материала, обрабатываемого чисто лингвистическими методами, но при этом стараться разработать достаточно надежный инструментарий;

2) объяснить и описать стратегии речевого воздействия на основе атомарных понятий данной теории;

3) распространить «принцип композиционности Г. Фреге» на область речевого взаимодействия; то есть установить такие структуры и правила их преобразования, которые позволили бы, исходя из интерпретации составных частей речевого общения, получить – «композиционным путем» – интерпретацию целого;

4) объяснить и формально показать, как некоторые внешне независимые друг от друга высказывания образуют связный контекст;

5) объяснить связь между ясностью выражения и эффективностью воздействия; эти понятия риторики связывают «прозрачность» воплощения иллокуции с перлокутивным эффектом; теория речевых актов могла бы дать рекомендации, как добиться «безотказного» достижения риторических целей;

6) получить таксономию речевых средств и метаязык для лексикографического описания; например, при описании глаголов речи удобно использовать понятийный аппарат теории речевых актов;

7) включить в сферу теории прагматики коммуникативные намерения, психологические и поведенческие реакции, обычно присущие получателю по ходу коммуникации; исследовать социальные последствия актов коммуникации в терминах отношений социальной зависимости и эквивалентности;

8) углубить теорию перифраз, учитывая не только чисто логические отношения между близкими по смыслу предложениями, но и коммуникативные свойства таких предложений;

9) установить отношения между репертуаром актов высказывания на конкретном языке, с одной стороны, и иллокутивными актами универсального характера – с другой;

10) включить единицы, большие, чем предложение, в компетенцию семантики истинности, приняв, что денотатом сообщения является функция, выполняемая высказыванием; значение этой функции определяют, в свою очередь, элементы ситуации и формы высказывания (такова посылка модели «денотата сообщения»).

В рамках общелингвистического подхода к теории речевых актов можно выделить две дисциплины: собственно теорию речевых актов (анализ, классификация и установление взаимосвязи между речевыми актами безотносительно к речевым средствам) и «анализ речевых актов», или лингвистический анализ речи (установление соответствия между речевыми актами и единицами речи). В рамках первой дисциплины вопрос о том, насколько цели и намерения реализуемы в конкретном общении, несуществен. Для второй же дисциплины языковой материал является исходным пунктом; именно здесь лингвистика видит свою область исследования.

Исследователи в понятии речевого акта подчеркивают различные моменты, существенные для лингвистики. Так, М. Хэллидей

рассматривает речевой акт как выбор одной из многочисленных переплетающихся между собой альтернатив, образующих «семантический потенциал» языка. Говоря, мы выбираем одну из форм: утверждение, вопрос, обобщение или уточнение, повторение или добавление нового. Иными словами, в противоположность взгляду на язык как на набор правил, или формальных предписаний, здесь предлагается концепция языка как совокупность выборов, которые индивидами могут быть оценены по-разному. Именно в этом смысле речевой акт связан с «планированием речи» и является сложной сущностью, в которой когнитивные и т. п. функции сочетаются с межличностными при том или ином удельном весе этих функций в конкретной ситуации.

Дадим краткий перечень основных характеристик речевого акта (далее РА), которые выделяет М. Хэллидей согласно различным лингвистическим концепциям:

1) условия успешности РА заложены в том, что в рамках предложения принято относить к модусу – это соответствующая составляющая предложения, его перформативная часть;

2) РА – это элементарная единица речи, последовательность языковых выражений, произнесенная одним говорящим, приемлемая и понятная по меньшей мере одному из множества остальных носителей языка;

3) РА – это заключительный акт в серии других действий; различной бывает та степень, в какой РА универсален; противопоставлены универсальные и социально обусловленные РА; пример первых – утверждение; пример вторых – вопрос о наличии детей, который в ряде африканских племен употребляется как простое приветствие;

4) универсальные свойства РА противопоставлены тем, которые специфичны для конкретного языка: перлокуции всегда универсальны, а иллокуции бывают как универсальными, так и специфическими (они по-разному – в различном наборе – представлены в различных языках). Это позволяет обозначить новый аспект в проблеме исследования языковых универсалий;

5) РА может быть как крупнее предложения (высказывания), так и меньше его, то есть он может быть составной частью предложения; так, именно словосочетание можно представить (хотя в классической теории РА этого не делается) как РА описания, в большей или меньшей степени успешный;

6) РА связывает между собой невербальное и вербальное поведение;

7) РА, рассматриваемый как поверхностная структура предложения, не является производным от «скрытых» структур, а есть непосредственная реальность речи с ее текстовыми связями и с правилами употребления языковых единиц, заданными в рамках грамматики;

8) РА позволяет разграничить текст и подтекст;

9) РА связан с понятием «фрейма» или «рамки» в некоторых концепциях моделирования речевой деятельности: имеются в виду

«ритуальные» последовательности РА, интерпретируемые на основе знаний о мире и привлекающие для своей интерпретации метаусловия (связанные с установлением того, в контексте какого фрейма мы находимся в данный момент, то есть с выбором фрейма), а также опирающиеся на предшествующие, настоящие или будущие (ожидаемые) действия коммуникантов;

10) типичной задачей РА является воздействие на мысли адресата, когда он интерпретирует высказывание говорящего. В то же время общие свойства РА – это свойства кооперированного сознательного и разумного взаимодействия нескольких субъектов. Все это позволяет определить понятие уместности и приемлемости речи на макроуровне, на который не распространяется грамматика отдельно взятого предложения;

11) РА включает в грамматическое описание, прагматические понятия контекста и роли говорящего и адресата, лежащие в рамках конвенций и норм конкретного общества. Последние определяют, какой вариант выражения предпочтителен для данного РА;

12) понимание предложения, в котором реализуется РА, связано с процессом дедуктивного вывода в обыденном мышлении, что по-новому ставит вопрос о соотносительности грамматики (и норм) языка, с одной стороны, и мышления – с другой;

13) нельзя говорить о понимании предложения только в его буквальном значении: необходимо установить цель РА. Поэтому выявление иллокутивной силы предложения входит в описание языка;

14) РА соединяет предложение с высказыванием.

В сегодняшней лингвистике попытки усовершенствовать эту теорию предпринимаются в следующих направлениях:

1) выйти за пределы отдельно взятого речевого акта, связать его с другими единицами общения таким образом, чтобы получилась целостная картина живого общения с его поворотами, неудачами, исправлениями, усовершенствованиями стиля. Как иногда в этой связи указывается, контекст в этой теории – не более чем «возможный контекст», а истинно творческий аспект языковой деятельности в ее каждодневном проявлении остается затуманенным;

2) устранить разрыв между намерениями и средствами выражения, принятыми в данном социуме. Иначе смысл речевого действия неясен. Однако в сегодняшней теории речевых актов удастся выявить только свойства логико-синтаксической репрезентации речевого действия, а не реальных речевых действий;

3) отразить в теории то обстоятельство, что одни лишь синтаксические и семантические свойства предложения как единицы языка (то есть свойства «псевдопредложения») вне речи не могут определять употребимость конкретного предложения в конкретном виде речевого акта. Иначе условия адекватного употребления предложения окажутся, вопреки исходным установкам данной теории, уникальными для каждого конкретного предложения, а не типовыми;

4) необходимо уточнить исходные понятия; иначе при переходе теории речевых актов от дедуктивных рассуждений к анализу конкретного материала (например, в литературоведческом анализе) происходит следующее: термины и основные понятия начинают употребляться настолько приблизительно, что теряют свой строгий смысл. В результате вся терминология и теоретический аппарат могут восприниматься просто как очередной способ метафорического определения явлений;

5) учесть не только намерения и мнения говорящего, но и природу речевого общения, главным образом зависящую от взаимоотношений и взаимодействия говорящего и слушающего.

Имеются и другие направления критики данной теории — как конструктивные, так и деструктивные. Д. Франк дает интересную систематизацию направлений этой критики. Необходимо иметь в виду, что в своей книге Д. Франк использует эту систематизацию для построения усовершенствованной концепции, в которой диалогические свойства речи привлекаются к описанию грамматики.

Итак, многие из недостатков современной теории речевых актов могут быть объяснены ее незавершенностью и продолжающимся становлением. Перспективы применения теории речевых актов, как было показано выше, весьма многообразны, поэтому не следует недооценивать ее значимость для языкознания на сегодняшний день.

Классификация речевых актов.

Поскольку речевой акт — это вид действия, то при его анализе используются по существу те же категории, которые необходимы для характеристики и оценки любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность и т. п. Субъект речевого акта — говорящий производит высказывание, как правило, рассчитанное на восприятие его адресатом — слушающим. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели. В зависимости от обстоятельств или от условий, в которых совершается речевой акт, он может либо достичь поставленной цели и тем самым оказаться успешным, либо не достичь ее. Чтобы быть успешным, речевой акт как минимум должен быть уместным. В противном случае говорящего ждет коммуникативная неудача, или коммуникативный провал.

Условия, соблюдение которых необходимо для признания речевого акта уместным, называются условиями успешности речевого акта. Так, если мать говорит сыну: Садись за уроки!, то она тем самым совершает речевой акт, цель которого — побудить адресата совершить действие, обозначенное в используемом для достижения этой цели высказывании. Если уроки еще не сделаны, если сын в состоянии их делать и если это не является обязанностью, которую он обычно выполняет без всяких напоминаний, то данный речевой акт признается уместным, и в этом, коммуникативном, смысле — успешным. При несоблюдении хотя бы одного из перечисленных условий (уроки уже сделаны, или сын лежит в

постели с высокой температурой, или сам, как обычно, собирался садиться за уроки), уместность речевого акта матери может быть поставлена под сомнение, и из-за этого он может потерпеть коммуникативную неудачу. Но даже при соблюдении всех условий, обеспечивающих уместность речевого акта, результат, к которому он приведет, может соответствовать или не соответствовать поставленной говорящим цели. Так, в нашем примере результатом речевого акта матери может быть как согласие сына выполнить указанное действие, так и отказ выполнять его. Отказ при этом может быть как мотивированным (например, желанием досмотреть любимую телепередачу или тем, что уроков не задано), так и немотивированным.

Итак, речевой акт – явление достаточно сложное. Теория речевых актов выделяет три уровня, или аспекта анализа речевого акта. Во-первых, речевой акт можно рассматривать как собственно говорение чего-либо. Рассматриваемый в этом аспекте, речевой акт выступает как локутивный акт (от латинского *locutio* «говорение»). Локутивный акт, в свою очередь, представляет собой сложную структуру, поскольку включает в себя и произнесение звуков (акт фонации), и употребление слов, и связывание их по правилам грамматики, и обозначение с их помощью тех или иных объектов (акт референции), и приписывание этим объектам тех или иных свойств и отношений (акт предикации). Лингвистика на протяжении длительного времени была сосредоточена на изучении именно локутивного аспекта речевого акта. Рассматривая высказывания безотносительно к той коммуникативной ситуации, в которой они были употреблены, фонетика описывала их звуковую сторону, лексикология – их словарный состав, синтаксис – правила соединения слов в предложении, семантика же давала этому предложению интерпретацию, сводя ее к объективному, т. е. лишенному истинностной оценки, содержанию выражаемого предложением суждения, иначе говоря, к выражаемому с помощью предложения пропозициональному содержанию, или пропозиции.

Однако человек, как правило, говорит не ради самого процесса говорения: не для того, чтобы насладиться звуками собственного голоса, не для того, чтобы составить из слов предложение и даже не просто для того, чтобы упомянуть в предложении какие-то объекты и приписать им те или иные свойства, отражая тем самым некоторое положение дел в мире. В процессе говорения (по-латински *in locutio*) человек одновременно совершает еще и некоторое действие, имеющее какую-то внеязыковую цель: он спрашивает или отвечает, информирует, уверяет или предупреждает, назначает кого-то кем-то, критикует кого-то за что-то и т. п. Речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его внеязыковой цели, выступает как иллокутивный акт. Интегральная, т. е. обобщенная и целостная характеристика высказывания как средства осуществления иллокутивного акта, называется иллокутивной функцией, или иллокутивной силой высказывания.

Препарируя содержание высказывания на иллокутивном уровне анализа речевого акта, в этом содержании выделяют две основных составляющих: иллокутивную функцию (F) и пропозицию (P), обобщенно представляя его в виде формулы F(P). Так, содержание высказывания в рассмотренном выше примере раскладывается на пропозициональную часть 'ты садишься за уроки' (со снятой утвердительностью, т. е. без истинностной оценки) и иллокутивную функцию 'побуждение'. Вопрос, выражаемый с помощью предложения Ты садишься за уроки?, имеет то же самое пропозициональное содержание, но другую иллокутивную функцию – функцию вопроса; смысл высказывания Я обещаю сесть за уроки в типичной ситуации его употребления состоит из пропозиции 'я сяду за уроки' и иллокутивной функции 'обещание'; смысл высказывания Он обещает сесть за уроки в типичной ситуации его употребления складывается из пропозиции 'он обещает сесть за уроки' и иллокутивной функции 'сообщение'.

Наконец, посредством говорения (по-латински *per locutio*) человек достигает определенных результатов, производя те или иные изменения в окружающей его действительности, в частности и, прежде всего, в сознании своего собеседника, причем полученный результат речевого действия может соответствовать или не соответствовать той внеречевой цели, для достижения которой он был предназначен говорящим. Речевой акт, рассматриваемый в аспекте его реальных последствий, выступает как перлокутивный акт. Так, в нашем примере высказывание матери могло, например, отвлечь сына от компьютерной игры и по этой причине вызвать у него недовольство или же удивить его (если мать уже проверила выученные им уроки, но по рассеянности успела об этом забыть) или как-то иначе воздействовать на его психику. Перлокутивный акт и соответствующее ему понятие перлокутивного эффекта – это тот аспект речевой деятельности, которым издавна занималась риторика, изучая оптимальные способы воздействия речи на мысли и чувства аудитории.

Таким образом, главным новшеством охарактеризованной выше трехуровневой схемы анализа речевого действия, предложенной английским философом и логиком Дж. Остином, является понятие иллокутивного акта и соответствующее ему семантическое понятие иллокутивной функции (силы), поскольку они отражают такие аспекты акта речи и содержания высказывания, которые не получили адекватного описания ни в традиционной лингвистике, ни в классической риторике. Естественно, что именно этому аспекту речевого акта в теории речевых актов уделяется основное внимание.

Дж. Остин, заложивший основы теории речевых актов в своих оксфордских лекциях второй половины 1950-х годов (они были опубликованы посмертно в виде книги *How to Do Things with Words* в 1962, русский перевод вышел в 1986 под названием *Слово как действие* в 17-м выпуске издания *Новое в зарубежной лингвистике*), не дал понятию иллокутивного акта точного определения. Он лишь привел характерные

примеры таких актов – вопрос, ответ, информирование, уверение, предупреждение, назначение, критика и т. п., отметив, что в каждом языке существует своя номенклатура таких действий. В дальнейшем в теории речевых актов были выявлены отличительные признаки иллокутивного акта: от локутивного акта он отличается по признаку интенциональности, т. е. связанности с определенной целью, намерением, а перлокутивному акту он противопоставляется по признаку конвенциональности, т. е. по наличию определенных правил, действие в соответствии с которыми автоматически обеспечивает говорящему успешное осуществление данного иллокутивного акта. Часть таких правил – это правила языка: в языках мира существуют специальные формальные средства, прямо или косвенно указывающие на иллокутивную функцию речевого акта.

Прежде всего, существует особый класс предложений, прямо эксплицирующий иллокутивную функцию высказывания, которое производится с их помощью. Это так называемые перформативные предложения. Основу лексико-семантической структуры этих предложений составляет так называемый иллокутивный глагол, т. е. глагол, относящийся к подклассу глаголов говорения и содержащий в своем лексическом значении компоненты, указывающий на цель говорения и те или иные условия осуществления речевого действия, например, просить, поздравлять, уверять, обещать и т. п. Однако наличие иллокутивного глагола не является достаточным условием для того, чтобы предложение было перформативным. Для этого необходимо также, чтобы иллокутивный глагол был употреблен не для описания некоторой ситуации, а для того, чтобы прояснить, какой речевой акт совершает говорящий, употребляя данное предложение. Иными словами, иллокутивный глагол должен быть употреблен перформативно (а не описательно).

Семантическая специфика перформативного предложения, его отличие от обычного повествовательного предложения состоит в том, что обычное повествовательное предложение используется с целью представления некоторого положения дел, т. е. с целью описания, сообщения, утверждения и т. п., а перформативное предложение служит не для описания действия, которое совершает говорящий, а для экспликации того, какое именно действие он совершает. Референтом обычного повествовательного предложения, например, Я рисую вас является некоторая ситуация, существующая независимо от речевого акта, а референтом перформативного предложения Я приветствую вас при нормальном для него употреблении является сам речевой акт его употребления. Говоря короче, перформативное высказывание обладает свойством автореферентности. Обычное повествовательное предложение, будучи употребленным, становится высказыванием, которое можно оценить как истинное или ложное, тогда как к перформативным предложениям в типовом контексте их употребления этот вид оценки не может быть применен. Так, можно сказать, что предложение Я рисую вас

будет в зависимости от реального положения дел в мире контекста либо истинным, либо ложным (ср. возможные реакции – Да, это действительно так или Нет, это не так: вы не рисуете, а просто водите карандашом по бумаге / вы рисуете вовсе не меня), но мы не можем сказать того же о предложении Я приветствую вас. В нормальном случае употребления такого предложения вопрос об истинности или ложности слов говорящего не встает. Соответствующее высказывание может оцениваться только как уместное или неуместное, но не как истинное или ложное. В этой связи говорят также о самоверифицируемости перформативных предложений, т. е. истинности их в силу самого факта их употребления.

Классическая форма перформативного предложения имеет подлежащее, выраженное личным местоимением первого лица единственного числа, и согласованное с ним сказуемое в форме изъявительного наклонения настоящего времени активного залога. Например, (Я) обещаю вам исправиться. Однако еще Остин указывал, что перформативное употребление не является исключительной привилегией модели предложения с глаголом-сказуемым в названной форме. Для русского языка к вышеуказанной форме можно добавить следующие, отличающиеся от нее по линии любой из входящих в ее описание грамматических категорий:

(1) лицо может быть не только первым, но и третьим, например, в тексте официального послания глагол в третьем лице благодарят употреблен перформативно: *Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации и М.П.Иванова благодарят за приглашение...*;

(2) число может быть множественным;

(3) время может быть будущим *Напомню вам, что завтра заканчивается срок подписки;*

(4) залог может быть пассивным *Вы назначаетесь моим заместителем;*

(5) наклонение может быть сослагательным *Я посоветовал бы вам остаться.* Кроме того, для перформативного употребления глагола не обязательно даже, чтобы он был синтаксической вершиной (сказуемым) предложения, ср.: Хотелось бы поблагодарить выступавших за теплые слова. Спешу поздравить вас с рождением сына и т. п.

В двух свойствах иллокутивного акта – интенциональности и конвенциональности – кроется присущее речевому акту противоречие между двумя неразрывно связанными в нем моментами: субъективным (цель говорящего) и объективным (не зависящие от говорящего способы обеспечения распознавания этой цели слушающим).

Итак, основным признаком иллокутивного акта является его цель. При этом имеется в виду не всякая цель, для достижения которой мы совершаем речевое действие, а только та, которая в соответствии с нашим замыслом должна быть распознана адресатом. Только такая, открытая для распознавания цель, называется иллокутивной; она, в принципе, может и не совпадать с подлинной целью говорящего. Так, желая выпроводить

надоевшего гостя и зная, что он в ссоре с NN и вряд ли захочет с ним встречаться, хозяин может сказать: Вчера звонил NN и сказал, что зайдет сегодня около девяти. Подлинная цель говорящего – побудить слушающего уйти – не может рассматриваться как иллокутивная цель его речевого акта, потому что она скрыта и для ее достижения вовсе не обязательно (а в ряде случаев и нежелательно), чтобы адресат ее распознал. Иллокутивной целью речевого акта в данном случае будет цель предоставления адресату некоторой информации. Эта цель, и в данном случае только она, подана открыто, чтобы быть опознанной как таковая. Поэтому данный речевой акт на иллокутивном уровне анализа будет рассматриваться как сообщение, а не побуждение.

Иллокутивные акты различаются между собой не только по своей цели, но и по ряду других признаков. Наиболее известная универсальная классификация иллокутивных актов построена американским логиком и философом Дж.Сёрлем. Базу этой классификации составляет группа признаков, которые сам автор называет «направлениями различий между иллокутивными актами». Наиболее существенными из них являются:

- цель (например, для сообщения – отразить положение дел в мире, для приказа – побудить адресата к действию, для обещания – принять на себя обязательство, для поздравления – выразить определенную эмоцию говорящего);

- направление соответствия между высказыванием и действительностью (например, в случае сообщения высказывание приводится в соответствие с действительностью, в случае приказа, напротив, действительность должна быть приведена в соответствие с высказыванием);

- внутреннее состояние говорящего (например, при утверждении – наличие у него соответствующего мнения, при обещании – намерения, при просьбе – желания, при благодарении – чувства благодарности);

- особенности пропозиционального содержания речевого акта (например, у предсказания содержание пропозиции относится к будущему времени, а у донесения – к настоящему или прошедшему; у обещания субъектом пропозиции является говорящий, а у просьбы – слушающий);

- связь речевого акта с внеязыковыми установлениями или институтами (например, речевой акт назначения кого-либо своим заместителем, обычно оформляемый в виде документа, предполагает существование некоторой организации, в рамках которой говорящий должен быть наделен соответствующими полномочиями, частью которых он с помощью данного речевого акта наделяет другого члена данной организации; ср. с похожими по параметру цели, но институционально не регламентированными случаями, когда мы просим кого-нибудь заменить нас – выступать нашим «заместителем» – в какой-либо неофициальной роли: навещать вместо нас нашего родственника в больнице, ходить вместо нас на родительское собрание в школу и т. п.).

С учетом данных параметров все множество иллокутивных актов было разделено Сёрлем и делится на пять основных классов:

Репрезентативы, ориентированные от действительности к высказыванию, имеют целью отразить положение дел в мире, предполагают наличие у говорящего соответствующего мнения, и их пропозициональное содержание ничем не ограничено. Примеры репрезентативов: сообщение (ср. Экзамен по химии назначен на 2 июня), осуждение (ср. Вы поступаете неправильно), прогнозирование (ср. Этот конфликт перерастет в полномасштабную войну), квалификация (ср. Такие действия являются грубым нарушением устава), признание (ср. Я тебя все это время обманывал), описание (ср. Дом расположен на вершине холма и окружен великолепным садом).

Директивы, с ориентацией от высказывания к действительности, имеют целью побудить адресата делать / не делать что-либо, предполагают наличие у говорящего соответствующего желания, а их пропозициональное содержание всегда состоит в том, что адресат совершит / не совершит некоторое действие в будущем. К этому классу относятся просьбы, запреты, советы, инструкции, призывы и другие виды побудительных речевых актов.

Комиссивы, ориентированные, как и директивы, от высказывания к действительности, используются говорящим с целью связать себя обязательством делать / не делать что-либо, предполагают наличие у него соответствующего намерения, и их пропозиция всегда имеет своим субъектом именно говорящего. Примеры комиссивов: обещание, клятва, гарантирование.

Экспрессивы имеют своей целью выразить определенное психологическое состояние говорящего (чувство благодарности, сожаления, радости и т. п.) в качестве реакции на положение дел, определяемое в рамках пропозиции. Направление соответствия между высказыванием и действительностью для них не существенно, поскольку положение дел, служащее поводом для экспрессива (то, с чем мы поздравляем, за что благодарим или извиняемся и т. п.), составляет не основное содержание, а предпосылку такого речевого акта – его пресуппозицию. Пропозициональное содержание экспрессива приписывает некоторый предикат субъекту, которым может быть либо говорящий (так, когда мы говорим Простите за опоздание!, то речь идет о нашем собственном опоздании), либо слушающий (так, когда мы говорим Большое спасибо за помощь!, то имеем в виду действие, совершенное адресатом высказывания). Для экспрессивов особенно характерны фразеологизированные средства выражения – речевые клише, специфичные для каждого языка, ср. русское Извините! – форму повелительного наклонения глагола извинять (или не рекомендуемое правилами речевого этикета Извиняюсь! – форму изъявительного наклонения возвратного глагола извиняться) с его английским эквивалентом Sorry!, по форме – прилагательным со значением

'огорченный', или английское Thanks (букв. 'благодарности') и функционально эквивалентную русскую идиому Спасибо, этимологически восходящую к пожеланию «Спаси [тебя/вас] Бог!»).

Пятый иллокутивный класс – декларации – отличается от остальных четырех по параметру связи с внеязыковыми институтами и вытекающей из этого факта спецификой соответствия между высказыванием и действительностью: объявляя (декларируя) некоторое положение дел существующим, речевой акт декларации тем самым и делает его существующим в реальном мире. Примерами деклараций являются назначение на пост, объявление войны или перемирия, отлучение от церкви, посвящение в рыцари, прием в партию, присвоение звания человеку или имени учреждению и т. п.

Данная классификация, как и большинство других классификаций языковых явлений, не дает разбиения множества на непересекающиеся классы. Существуют речевые акты, обладающие признаками, характерными для разных иллокутивных классов, и образующие, так сказать, «смешанные» типы. Например, приглашение является одновременно и директивом, поскольку говорящий побуждает адресата прийти в определенное место, и комиссивом, поскольку тем самым говорящий связывает себя обязательством либо лично, либо через посредство других лиц обеспечить приглашаемому должный прием. Жалоба (например, девочки учителю на одноклассника, дергающего ее за косички) является одновременно и репрезентативом, поскольку отражает некоторое положение дел в действительности, и экспрессивом, поскольку выражает недовольство говорящего этим положением, и директивом, поскольку цель жалобы – не просто проинформировать адресата, а побудить его к принятию соответствующих мер.

В рамках пяти основных иллокутивных классов речевые акты различаются по ряду дополнительных параметров:

соотношение речевого акта с предшествующим текстом (например, как ответ, так и утверждение - суть репрезентативы, но ответ, в отличие от утверждения, предполагает предшествующий ему вопрос);

соотношение социальных статусов коммуникантов (например, приказ и требование суть директивы, но при приказе статус говорящего должен быть выше статуса слушающего, а при требовании это не обязательно, и поэтому мы можем потребовать от нашего начальника, чтобы он был с нами вежлив, но не можем ему это приказать);

способ связи речевого акта с интересами говорящего и слушающего (например, поздравление и соболезнование суть экспрессивы, отличающиеся друг от друга не только выражаемым чувством радости и печали соответственно, но и тем, что событие, с которым поздравляют, рассматривается как благо для слушающего, а событие, по поводу которого соболезнуют, – как постигшее его горе);

степень интенсивности представления иллокутивной цели (так, просьба и мольба, равно являющиеся директивами, отличаются друг от друга прежде всего по этому параметру).

Размышляя над тем, что может отличать один иллокутивный акт от другого, мы приходим к выводу, что иллокутивная функция высказывания теоретически может быть представлена как пучок конкретных значений признаков, подобных вышеуказанным, а сами эти значения коррелируют с условиями успешности речевого акта с данной иллокутивной функцией. Многообразие различительных признаков иллокутивных актов находит отражение в разбиении условий успешности речевых актов на четыре типа:

- (1) условия пропозиционального содержания,
- (2) подготовительные, или предварительные условия,
- (3) условия искренности,
- (4) существенное условие, или условие назначения.

Условия первого типа суть ограничения на пропозициональное содержание используемого высказывания. Существенное условие соответствует иллокутивной цели – цели, которую говорящий стремится донести до сознания слушающего при помощи своего высказывания. Подготовительные условия отражают объективные и субъективные предпосылки, совместимые с выдвижением данной иллокутивной цели, т. е. обстоятельства речевого акта, при отсутствии которых он потерпит коммуникативную неудачу. Условия искренности отражают внутреннее (психологическое) состояние, которое может быть приписано говорящему, исходя из предположения об искренности и серьезности данного речевого акта. Таким образом, подготовительные условия и условия искренности речевого акта образуют один из типов имплицитной информации, передаваемой высказыванием, наряду со следствиями и пресуппозициями. В отличие от подготовительных условий, нарушение говорящим условий искренности обычно происходит незаметно для адресата и поэтому непосредственно не влечет за собой коммуникативного провала, хотя поддельность, фальшивость данного речевого акта может быть разоблачена в дальнейшем. В качестве примера ниже приводится система условий успешности речевого акта обещания, осуществляемого с помощью некоторого высказывания T.

Неразрывная связь между иллокутивной функцией речевого акта и условиями его успешности позволяет адресату речевого акта правильно распознать его иллокутивную функцию даже тогда, когда какой-то из ее существенных признаков не имеет специальных формальных показателей в языковой структуре используемого высказывания: недостающая информация извлекается из обстоятельств коммуникативной ситуации. Так, о том, что высказывание «Составьте план работы на следующий квартал» относится к типу побудительных (директивов), нам говорит грамматическая форма повелительного наклонения глагола, но ничто в языковой форме данного высказывания, включая и интонацию, не говорит

нам, приказ это или просьба. Но если мы при этом знаем, что говорящий – начальник, а слушающий – его подчиненный, мы поймем, что это приказ, поскольку контроль говорящего над адресатом (и именно в той сфере деятельности, к которой относится пропозициональное содержание высказывания) входит в число условий успешности приказа, но противоречит условию успешности для просьб.

На той же связи между иллокутивной функцией высказывания и условиями его успешности базируется и понимание косвенных речевых актов – речевых действий, осуществляемых с помощью высказываний, которые имеют в своей структуре явный показатель одной иллокутивной функции, но при этом в норме их иллокутивная функция является другой. Примерами косвенных речевых актов являются вежливые просьбы, «замаскированные» под вопросительные предложения (Вы не могли бы оставить мне эту книгу еще на неделю?), или утверждения, имеющие опять-таки вид вопросов (так называемые риторические вопросы).

Высказывалось мнение, что косвенные речевые акты следует рассматривать как проявление языковой полисемии, т. е. , например, считать, что в русском языке вопросительная конструкция с отрицанием является формальным показателем не только иллокутивной функции вопроса, но и иллокутивной функции вежливой просьбы. Сёрль, оспаривая эту точку зрения в своей статье «Косвенные речевые акты», раскрыл механизм косвенного выражения намерения говорящего. Прибегая по той или иной причине (например, из вежливости или для более глубокого воздействия на адресата) к косвенному способу выражения своей иллокутивной цели, говорящий рассчитывает не только на языковые знания собеседника (и тем самым на знания формальных показателей иллокутивной функции), но и на его способность к умозаключению на основе разнообразных неязыковых знаний: знаний условий успешности речевых актов, принципов общения и, наконец, знаний о мире, часто называемых также «энциклопедическими», хотя эти два термина могут и различаться. Так, вопросительное предложение Вы не могли бы оставить мне эту книгу еще на неделю?, вообще говоря, может быть использовано по своему прямому назначению, т. е. с иллокутивной функцией вопроса (например, при абстрактном обсуждении пределов возможностей, которыми располагает библиотекарь), но в типовой коммуникативной ситуации, исключаящей не относящиеся к делу абстрактные разглагольствования, этот вопрос адресат поймет как просьбу, зная, что возможность для него осуществить действие – необходимое условие успешности речевого акта просьбы и что, задавая такой вопрос, говорящий фактически выражает именно соответствующую просьбу.

Текст 6

Понятие коммуникативного поведения и аспекты его описания

Вопросы к тексту:

1. Как определяется понятие коммуникативного поведения?
2. Что такое нормы коммуникативного поведения?
3. Что включают в себя ценности национальной культуры?
4. Что означают ценности национальной культуры?
5. Что означают нормы и правила национальной культуры?
6. Что означают ритуалы национальной культуры?
7. В чем заключается национально-культурная специфика коммуникативного поведения?

Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин определяют **коммуникативное поведение** как поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума.

Коммуникативное поведение характеризуется определенными нормами, которые позволяют охарактеризовать его как нормативное или ненормативное. Согласно И.А. Стернину, о нормах коммуникативного поведения можно говорить в четырех аспектах: общекультурные, ситуативные, групповые и индивидуальные нормы общения.

А) Общекультурные нормы общения

Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Они связаны с ситуациями самого общего плана, возникающими между людьми в целом вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности. Это стандартные, повторяющиеся коммуникативные ситуации: обращение, знакомство, извинение, комплимент, разговор по телефону, благодарность и др.

Общекультурные нормы общения обладают определенной национальной спецификой. Так, у немцев и американцев при приветствии обязательна улыбка, а у русских - нет. Благодарность за услугу обязательна у русских, но не нужна в китайском общении, если собеседник ваш друг или родственник. При приветствии коллег у немцев принято рукопожатие, а у русских оно необязательно.

Б) Ситуативные нормы общения

Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной экстралингвистической ситуацией. Такие ограничения могут быть различны по характеру. Например, ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях коммуникативного поведения - *вертикальном* (вышестоящий - нижестоящий) и *горизонтальном* (равный - равный). В ситуативных нормах коммуникативного поведения может наблюдаться национальная специфика. Так, общение мужчины и женщины в русской культуре выступает как горизонтальное, а в мусульманской - как вертикальное,

общение старшего с младшим у мусульман гораздо более вертикально, чем у русских.

В) Групповые нормы коммуникативного поведения

Групповые нормы отражают особенности общения, закрепленные культурой для определенных профессиональных, тендерных, социальных, возрастных групп. Есть особенности коммуникативного поведения мужчин, женщин, юристов, преподавателей, милиционеров, детей, родителей и т. д.

Г) Индивидуальные нормы коммуникативного общения

Индивидуальные нормы отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой индивидуальное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности. Индивидуальная норма включает также устойчивые нарушения общих и групповых норм, характерные для данного индивида. Коммуникативное поведение народа выступает в реальной коммуникации в двух аспектах - вербальном и невербальном. Вербальный аспект связан с речевыми формами выражения мысли, невербальный - с неречевыми, но участвующими в коммуникации (жесты, мимика, дистанция, поза и т. д.). К коммуникативному поведению примыкает социально и коммуникативно значимое бытовое поведение. По мнению Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина, бытовое поведение — совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей. К коммуникативному поведению примыкает также социальный символизм. По мнению И.А. Стернина, социальный символизм - это отражение в сознании людей семиотической функции, которую приобретает в той или иной культуре определенное действие, факт, событие, поступок, тот или иной элемент предметного мира. Социальный символизм является компонентом национальной культуры. Так, например, немецкая хозяйка убирает вино, принесенное гостями в качестве подарка, что рассматривается русскими как проявление жадности, скупости; в немецкой культуре вино рассматривается в таком случае как сувенир. Таким образом, один и тот же факт бытового поведения получает разную коммуникативную интерпретацию в разных культурах. Проходить в одежде в комнату, ставить на стол свою сумку допустимо у китайцев, но символизирует неуважение к хозяину у русских. У русских, наоборот, неуважением будет молча оставить в комнате подарок для хозяина, в то время как у китайцев это знак уважения к хозяину. Цветы считаются вежливым и этикетным подарком у русских, а у китайцев они не имеют такого значения. Четное число цветов в букете символизирует у русских траурное назначение букета, а у многих народов - нет. Вытряхивание скатертей, ковриков из окна на улицу - проявление крайнего бескультурья у русских, но не является таковым у немцев или финнов. Подача немцами холодного ужина рассматривается русскими как проявление лени.

Коммуникативное поведение и культура

Коммуникативное поведение является компонентом национальной культуры. В структуре национальной культуры вычленяется ядро - ценности, принципы, которые реализуются в некоторых нормах и правилах.

Ценности - это социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. Это то, что оценивается этническим коллективом как нечто «хорошее» и «правильное» и является образцом для подражания. Ценности вызывают определенные эмоции, они побуждают людей к определенным действиям. Например, к основным ценностям русского этноса относятся соборность, доброта, всепрощение, скромность, бескорыстие, гостеприимство и др.

Нормы и правила - это конкретные поведенческие рекомендации, предписания по поведению, указания по проведению определенных ритуалов. В развитой культуре очень много норм - правил. Ими охвачены все сферы жизни: и трудовые процессы, и семейные отношения, и досуг, и воспитание детей, похороны - все приведено в систему, соотнесено друг с другом... и представляет настоящий космос. Нормы и правила существуют в согласовании с принципами, ими отражаемыми. Нормы должны соответствовать принципам.

Ритуалы - материализованное воплощение норм и правил в реальной действительности. Это форма материального существования культуры и единственная наблюдаемая форма культуры. Согласно В.А. Масловой, ритуалы - система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время. Это форма «превращенного сознания» (термин В. Зомбарта), ритуал является главным механизмом коллективной памяти, который во многом определяет жизнь человека и теперь.

К. Лоренц считает, что человеческие ритуалы возникли естественным путем. У ритуала К. Лоренц выделяет три функции: 1) снятие агрессии, 2) обозначение круга «своих», 3) отторжение «чужих».

По В. Тэрнеру, ритуал - важное средство поддержания общих норм и ценностей народа, поскольку сложная система ритуала связана с символами, подражанием и восприятием, т. е. опирается на доминантные стороны человеческой психики. Действие становится ритуалом, когда оно теряет целесообразность и становится семиотическим знаком.

Любой ритуал передается из поколения в поколение, он выступает как материальный носитель культуры, как форма физического, материального воплощения культуры как таковой (например, ритуалы свадьбы, похорон, Пасхи, венчания и др.). В наиболее цивилизованных странах обычно много ритуалов, и эти ритуалы тщательно исполняются.

Отражением культурных ценностей являются *этикетные нормы*. Н.Л. Грейдина включает в пространство этикетных отношений тип коммуникации, размер коммуникативной дистанции, алгоритм поведения, требуемые и запрещаемые формы поведения, степень допустимых

отклонений от приемлемых форм поведения. Важную роль в общении играет речевой этикет. Согласно В.А. Масловой, *речевой этикет* - это социально заданные и культурно-специфические правила речевого поведения в ситуациях общения в соответствии с их социальными и психологическими ролями, ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановках общения. Речевой этикет - зона «социальных поглаживаний», по Э. Берну, это национально-культурный компонент. Этикетные отношения - это универсалия, но проявление их национально-специфично.

Национально-культурная специфика коммуникативного поведения

Коммуникативное поведение носит ярко выраженную национальную окраску. Национальная специфика коммуникативного поведения характерна как для общекультурных норм (привлечение внимания, приветствие, прощание, знакомство, извинение и т. д.), так и для ситуативных норм, действующих тогда, когда общение ограничено составом общающихся или темой общения, а также ситуацией.

Для *американского коммуникативного поведения* характерна такая особенность, как скорость перехода к основной теме общения. Ю.А. Сорокин отмечает, что «быстрый переход к основной теме диалога считается у многих народов невежливым», например у арабов. Речь американцев тяготеет к максимальной эксплицитности. По мнению О.А. Леонтович, американцы в ответ на свои предложения хотят услышать однозначный ответ - «да» или «нет». Образное выражение мыслей приводит американцев в замешательство. Для американцев характерна высокая степень индивидуализма, в беседе они более эгоцентричны, чем русские. В США считают, что коммуникативное поведение во время интервью при приеме на работу должно отвечать фразеологизму *blow your own horn* (*хвалить самого себя*). Американские коммуникативные стратегии считаются более напористыми по сравнению с британскими. Д. Таннен отмечает, что американские мужчины нередко превращают дружескую беседу в состязание. Для американцев характерна антиконфликтная ориентация общения. Как утверждает М. Стаббс, в американском обществе существует правило, которое требует, чтобы коммуникация осуществлялась гладко, без затруднений, поэтому моменты недопонимания должны быть максимально сглажены. Как отмечает О.А. Леонтович, американское общение предусматривает компромисс как неотъемлемую часть переговоров, а неспособность его достигнуть - как поражение.

Для *английского коммуникативного поведения* характерны такие особенности, как низкий уровень громкости, эмоциональная сдержанность, высокий уровень бытовой вежливости, некатегоричность и антиконфликтная ориентация общения (англичане не любят высказываться определенно, не любят говорить четко «да» и «нет»), немногословие, высокий уровень самоконтроля в общении. По мнению В.А. Сухарева,

англичанин придерживается правила «не быть личным», т. е. не выставлять себя в разговоре, не вести речи о себе самом, о своих делах, профессии. Считается дурным тоном неумеренно проявлять собственную эрудицию и вообще безапелляционно утверждать что бы то ни было. В Англии возведена в культ легкая беседа, способствующая приятному расслаблению ума, а отнюдь не глубокомысленный диалог и тем более не столкновение противоположных взглядов. Так что расчеты блеснуть знаниями и юмором в словесном поединке и завладеть общим вниманием не сулят лавров, как у французов [Сухарев, 1997, с. 106-107]. Согласно О.А. Леонтович, британцы как коммуниканты считаются более сдержанными и отстраненными, соблюдают большую коммуникативную дистанцию. Для них не считается приемлемым называть друг друга по имени с первых минут знакомства, как это принято у американцев. И.А. Стернин отмечает в английском коммуникативном поведении такие черты, как высокий уровень табуированности общения, жесткую тематическую регламентацию общения в большинстве ситуаций и большую роль письменного общения.

Для немецкого коммуникативного поведения характерен ряд специфических особенностей. Немцы улыбкивы, приветливы, демонстрируют высокий уровень бытовой вежливости, в общении сдержанны. По мнению Т.Г. Грушевицкой, В.Д. Попкова, А.П. Садохина, немецкая улыбка является правилом вежливости, которое подчеркивает доброжелательность и отсутствие агрессивности. Исследователи также отмечают, что в Германии довольно часто приветствуют незнакомых людей, не имея намерения дальнейшего общения. Например, приветствие можно услышать в лифте, хотя люди могут быть незнакомы. Часто принято здороваться с вахтерами, соседями, с продавцами в магазине и т. д. Такие приветствия в Германии обычно сопровождаются улыбкой, не обязывают участников к дальнейшему разговору независимо от того, были ли люди когда-либо знакомы или же никогда не встречались друг с другом. Эти приветствия не подразумевают прощания и служат только демонстрацией окружающим доброжелательности и отсутствия агрессии. В немецкой культуре извинения распространены гораздо шире, чем в русской. Так, если вы входите по служебному делу в кабинет своего коллеги, то прежде чем сформулировать цель вашего визита, разговор в Германии принято начинать с извинения. Практически любое обращение к незнакомому человеку на улице, например вопрос о времени, также начинается с извинения. По мнению И.А. Стернина, немцы малолюбопытны, задают мало вопросов; в общении проявляют малоинформированность, отвечают «не знаю» на многие вопросы, не относящиеся непосредственно к их занятиям; тематическая табуированность в немецком общении ниже, чем у англичан. Немцы не вступают в разговор с незнакомыми людьми в транспорте, на улице; существенна доля поверхностного, этикетного общения, особенно в гостях; в общественных местах, в компании ведут себя очень шумно.

Доминирующие черты *французского коммуникативного поведения* могут быть представлены следующим образом: внешняя приветливость, улыбчивость, демонстративная жизнерадостность;

высокий уровень самоконтроля в общении, поддержание приветливости на протяжении всей беседы; высокий уровень бытовой вежливости. Как отмечает С.Г. Стернина, вежливость приоритетна для французского коммуникативного поведения. Французы говорят, что вежливость - это оболочка ума, она напоминает нашу обычную повседневную одежду, которая должна скрывать недостатки тела, но не мешать разуму быть свободным. И французам это удается вполне. Вежливость во французском обществе, особенно в деловой сфере, сфере обслуживания, является обязательной составляющей имиджа продавца, служащего любой сферы деятельности.

При встрече друг с другом французы задают меньше вопросов, чем русские: «Здравствуйте, как дела, что нового, до свидания». В повседневном общении французы гораздо больше извиняются, чем русские. Француз, если нечаянно наступил кому-то на ногу либо кого-то задел или толкнул, будет долго извиняться в самых изысканных выражениях. Французы, как и русские, довольно легко переходят на «ты». Они очень приветливы и улыбчивы в повседневной жизни, но часто это только внешнее проявление вежливости, дань традиции. Никто не знает, что на самом деле скрывается за ширмой изысканной вежливости. Даже если француз будет недоволен вами, он будет сохранять традиционную маску улыбки и приветливости. И.А. Стернин отмечает во французском коммуникативном поведении дискуссионность как приоритет в общении; быстроту развертывания диалога; стремление уклониться от общения с социальными низами; стремление избежать просьб к незнакомым людям и замечаний в их адрес; преобладание крайних оценок в общении; значительный объем контактных реплик в структуре диалога («да что вы», «не может быть» и т. д.); стремление блеснуть в разговоре (молчаливый обрекает себя на социальную смерть); тенденцию называть вещи своими именами; допустимость в общении намеков на вопросы о личной жизни; высокую непринужденность устного общения; большую роль шутки, остроумия в разговоре; значительный объем скептицизма в обсуждении каких-либо проблем; смягченное выражение просьбы и отказа; незначительный объем общения на работе; обязательность этикетного общения с соседями и знакомыми; недопустимость физического прикосновения к собеседнику в общественном месте и др.

Большой интерес представляет *японское коммуникативное поведение*. Свой устный язык японцы довели до уровня абстрактного искусства. Вежливость речи у японцев ценится выше ее доходчивости, нюансы этикета важнее тонкостей синтаксиса и грамматики. В общении японцы избегают слов «нет», «не могу», «не знаю», «никогда», будто это какие-то инвективы, которые нельзя высказывать прямо. Японцы отличаются отсутствием краткости и ясности изложения своих мыслей.

Там, где можно обойтись одним словом, они обрушивают на собеседника целые каскады не несущих смысловой нагрузки фраз. Смысл произносимых фраз преднамеренно затуманивается оговорками, в которых заложены неопределенности, сомнения в правоте сказанного, готовность согласиться с возможными возражениями. Японцы стараются уклониться от открытого столкновения мнений, избегать прямых утверждений, способных задеть чье-либо самолюбие. Как отмечает В.О. Сухарев, японский образ жизни считает язык отнюдь не единственным и даже не лучшим средством общения. «Молчание красноречивее слова», - гласит излюбленная японская пословица. Добровольный отказ от откровенной беседы привел к тому, что у них, словно осязание у слепых, обострилась интуиция. Японцы научились во многих случаях понимать друг друга без слов. Японцы обращаются друг к другу по фамилии. Обращение просто по имени (например, Танака) считается грубым и неприличным. При обращении чаще всего к фамилии прибавляется суффикс «сан», который применяется как к мужским, так и к женским фамилиям. Суффикс «кун», применяемый только в речи у мужчин, чаще всего используется в кругу школьников или молодежи. В литературе, посвященной японской культуре, часто говорится, что в Японии принято извиняться часто и в широком диапазоне ситуаций. Для японцев характерно самоумаление и самоуничижение. Они могут пренебрежительно отзываться о себе и своих родственниках, чтобы унизиться перед собеседником и продемонстрировать тем самым свое уважение к нему.

В арабском коммуникативном поведении большое значение придается исламским традициям. При первом знакомстве коммуникант выражает радушие и любезность своему собеседнику. Это не притворство, а дань традиции: среди арабов господствует мнение, что только такое поведение достойно мусульманина. Последующая беседа может проходить менее гладко. Арабские собеседники всячески избегают определенности, четких ответов «да» или «нет». Взамен следуют туманные обороты типа «Если Аллаху будет угодно». Арабское понимание этикета запрещает собеседнику прибегать к прямолинейным ответам, быть категоричным. Отказ от сделки сопровождается оговорками, похвалами в пользу обсуждаемого предложения. Арабские предприниматели выражают отказ в максимально смягченном, завуалированном виде. Если европейское приветствие короткое и сухое, то арабское превращается в целую процедуру, оно сопровождается расспросами о здоровье, о делах. На протяжении беседы эти вопросы могут повторяться. Даже если вы спешите, то необходимо выслушать арабского собеседника, его многочисленные пожелания благополучия. Речь арабского коммуниканта сопровождается частыми обращениями к Аллаху, упованием на его помощь в завершении предстоящих дел. В арабской среде это обычная формула вежливости. «Культурная дистанция» между беседующими арабами обычно короче, чем у европейцев. Представители арабских государств как в обыденной обстановке, так и во время деловых контактов

стараятся создать дружелюбную обстановку, ценят юмор, используют личные имена.

Итак, в каждой культуре существуют свои собственные правила ведения разговора, тесно связанные с культурно обусловленными способами думать и вести себя.

Текст 7

Дискурс- анализ

Вопросы к тексту:

- 1. Что означает формальный подход к изучению дискурса?**
- 2. Что означает функциональный подход к изучению дискурса?**
- 3. Что является предметом дискурс-анализа?**

Дискурс рассматривается с, как минимум, двух точек зрения, а именно формальной и функциональной.

В формальном подходе при анализе дискурса не учитываются семантические качества языковых форм, он направлен на изучение формы существования разговорного языка под углом зрения взаимодействия людей в социологическом аспекте.

С точки зрения функционального подхода анализ дискурса протекает с учетом семантической и исторической плоскостей.

Само словосочетание «анализ дискурса» было введено З. Харрисом в 1952 году и сводилось к анализу речи и письма, к анализу высказывания, которое больше предложения и которое имеет смысловую связность. Целью данного подхода было «а) распространение методов дескриптивной лингвистики за пределы отдельно взятого предложения, б) соотнесение культуры и языка – т.е. неязыкового и языкового поведения».

С течением времени взгляд на дискурс менялся, скорее он расширялся и углублялся, и к 1990 году в задачи этого явления входили следующие новые задачи: 1) разграничение глубинного и поверхностного в анализе дискурса; 2) изучение взаимоотношений дискурса и общества.

В своем капитальном теоретическом обобщающем труде «Основы теории дискурса» Макаров М.Л. приводит детальный список направлений, стоявших у истоков формирования дискурс-анализа: русские формалисты (В. Пропп, М.М. Бахтин), европейские структуралисты и семиотисты (К. Леви-Строс, Р. Барт, Ц. Тодорова), американские антропологи и этнографы коммуникации (Д. Хаймс, Д. Гамперц – интерактивная социолингвистика), микросоциологии языка (Э. Гоффман, Г. Гарфинкель – с ними связан так называемый «конверсационный анализ»), английские функционалисты бермингемской школы, создавшие «критический дискурс-анализ» (Coulthard, ван Дейк, Wodak); другим

важным направлением, внесшим свою лепту в становление дискурс-анализа, было направление аналитической философии, сложившейся затем в теорию речевых актов (Д. Остин, Д. Роджерс), а также логика речевого общения (Г.П. Грайс) и риторическая прагматика (Д. Лич). Другим источником идей дискурс-анализа стала психолингвистика, когнитивная психология и искусственный интеллект (М. Минский, Langer). Грамматика и лингвистика текста также послужила развитию дискурс-анализа (ван Дейк, В. Дресслера). В России стала популярной «коллоквиалистика»: анализ устной разговорной речи (Скребнев, Сиротина и др.). Подробно останавливаясь на методологии дискурс-анализа, на различных проблемах сбора материала и его транскрибировании, автор выделяет основные компоненты и категории содержания дискурса: «пропозиция» – семантический инвариант, «способный получать истинностное значение»; «референция» – «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам или денотатам)»; «экспликатура» – «выраженное эксплицитно в высказывании суждение», то, что имеется в виду; «инференция» – додумывание, завершение мыслей автора, «раскручивание» посылки; «импликатура» – прагматические составляющие смысла; «релевантность» – уместность или соответствие высказывания локальной теме предыдущего хода в дискурсе; «прессупозиция» – «смысловой компонент высказывания, истинность которого необходима, чтобы данное высказывание а) не было семантически аномальным (семантическая); б) было уместным в данном контексте (прагматическая)».

Итак, предметом исследования дискурс-анализа является высказывание, текст, «погруженный в жизнь», с целью выявления среди множества, на первый взгляд, разбросанного и не связного материала, однородности и подчиненности определенной схеме и правилу. Дискурс-анализ – это анализ текстов, «которые содержат разделяемые неким коллективом убеждения, порождают либо усиливают их и предполагают ту или иную позицию в дискурсном поле».

Обобщая материал, мы можем сформулировать понимание основного предназначения дискурс-анализа следующим образом: эта процедура (дискурс-анализ) нацелена на выявление, прежде всего, связности и единства высказывания (текста), это интерпретация, опирающаяся на общие и специальные знания с целью установления иллюкционности силы, прагматических характеристик в определенных ситуативных контекстах и знаний, связанных со структурированием и хранением информации.

Текст 8

Этноязыковое пространство культуры: Языковое сознание

Вопросы к тексту:

- 1. Что включает в себя национальное культурное пространство?**
- 2. Как структурируется национально-культурное пространство?**
- 3. Что такое базовые этнокультурные концепты?**
- 4. Как интерпретируется феномен языкового сознания?**
- 5. В чем заключается глубинный механизм перекодирования информации из когнитивных структур в структуры языковые?**
- 6. Что является способом и средством такого перекодирования ?**
- 7. В чем заключается инвариантно-прототипический анализ?**
- 8. Что включают в себя уровневый и полевой принципы структурирования этноязыкового сознания?**
- 9. Что включает в себя понимание культурного концепта?**
- 10. Как осуществляется категоризации мира языковым сознанием?**

Формой существования культуры в сознании человека служит так называемое национально-культурное пространство, или общее для всех представителей данного этноязыкового сообщества сознание. Определение, конечно, впечатляет своей философской широтой и афористичностью, однако еще не раскрывает сущности рассматриваемой категории. Согласно «Лингвокультурологическому словарю» (РКП, 2004), национальное культурное пространство – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится осязаемым при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национального лингвокультурного сообщества.

Национально-культурное пространство можно представить в виде поля. Его ядро образует национальная когнитивная база, под которой авторы словаря понимают определенным образом структурированную совокупность знаний. Когнитивная база проецируется на этнокультурное пространство и становится его важнейшей составной частью. Поскольку же это база этнокультурного пространства, знания должны быть национально и культурно маркированными представлениями, присущими всем представителям соответствующего лингвокультурного сообщества. С этим никто и не спорит. Однако более таинственным процессом является

то, каким образом такого рода знания становятся общими для всех говорящих на том или ином языке.

Прежде всего, речь здесь должна идти не о биологическом индивидууме, а о личности. Иными словами, чтобы представлять какое-либо лингвокультурное сообщество, оказаться его неотъемлемой частью, индивидуум должен стать личностью. Достигается такое чудесное превращение путем так называемой социализации. Сутью этого процесса и его целью является трансляция культуры, прежде всего, посредством языка. На начальном этапе социализации культура актуализуется в виде фольклорных дискурсов, основными репрезентантами которых выступают народные песни, былины, пословицы, поговорки и другие структуры языка, фиксирующие народную мудрость. Затем этноязыковое пространство культуры расширяется: подключаются другие семиотические средства культуры, формирующие прежде всего базовые этнокультурные концепты.

Здесь мы вплотную подошли к феномену концепта. Написано о нем очень много. Однако от этого он не приобрел пока общепринятого понимания. Все еще существует два направления в его истолковании: когнитивистское и культурологическое. Казалось бы, не мудрствуя лукаво, для нужд лингвокультурологии нужно просто принять вторую точку зрения. Однако для становления когнитивно-семиологической парадигмы лингвокультурологии это было бы слишком простым решением. Поэтому попробуем разобраться в каждом из существующих подходов. Начнем с того, что концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный.

Языковое сознание как проблема лингвокультурологии

Вопрос о правомерности выделения языкового сознания в отдельную категорию остается в науке открытым. Считается, что любое сознание непременно объективируется лингвосемиотическим кодом. Однако не лишена смысла и другая точка зрения, согласно которой когнитивные процессы, конечно же, опираются на знаковые опосредователи, но ими могут быть не только знаки языковые, но и другие семиотические средства передачи информации. Как уже отмечалось, любая семиотическая система служит своеобразным «языком» или, точнее, кодом хранения информации в нашей памяти и ее декодирования в процессе речевого общения, т. е. передачи информации.

Дальнейшее изучение знакового изоморфизма между системой естественного языка и системой мышления обещает расширить наши знания о закономерностях накопления, хранения и переработки информации, связанных с мышлением. Мышление и язык возникли, по данным современной науки, в результате единого эволюционного процесса. Звуковой язык появился вместе с возникновением человека. Он

формировался на основе уже имевшихся голосового и слухового аппаратов, способных соответственно производить и воспринимать акустические сигналы (свойство и животных). В процессе эволюции человека звуковые сигналы превращались в сложнейшую систему символов, знаков, наиболее совершенными из которых являются языковые. Очевидно, изначально эти знаки имели непосредственные (прямые) связи с предметами окружающего мира. Затем произошло замещение и полное вытеснение реальных связей условными, в результате чего знаки стали воспроизводимыми. Это свойство необходимо языку не только для того, чтобы, подобно генетическому коду, хранить и передавать информацию, но и для выполнения общественных функций. Поскольку свойство изоморфизма генетического и языкового кодов обуславливается, надо полагать, единством глобального эволюционного процесса, оно служит глубинным механизмом перекодирования информации из когнитивных структур (фреймов, концептов, гештальтов и др.) в структуры языковые – естественной основой синергетики когнитивного и языкового сознания.

Способы и средства такого перекодирования в целом зависят от понимания типологии когнитивных структур и их соотношения. Существует две точки зрения. Согласно первой, все многообразие видовых мыслительных структур можно подвести под одно родовое когнитивное образование – концепт; согласно второй, все типы мыслительных структур выстраиваются в одной плоскости – *концепт, фрейм, скрипт, сценарий, гештальт* и др. Когнитивные структуры находятся в иерархических отношениях, высший уровень в которых образует целостный мыслительный образ – *гештальт*, затем путем членения целого на составляющие его части выделяют три событийные структуры – *фрейм, скрипт* и *сценарий*. Элементарной когнитивной единицей событийных структур является *концепт* – оперативная единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, «содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга» (КСКТ, 1996: 90). Языковое сознание – в некотором роде производное этнокультурного сознания.

Этнокультурное сознание – результат отражения и восприятия образа мира в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, представляющих содержательные контуры той или иной национальной культуры. Специфику каждой этнокультуры определяет структурированная совокупность основных духовных ценностей, традиций и обычаев, закодированных в устно-поэтических и письменных произведениях. Прежде всего этнокультурной значимостью отмечены идиомы, паремии, языковые метафоры и устойчивые стилистические фигуры. Эти языковые структуры представляют в нашем сознании в яркой образной форме наиболее важные для данной этнокультуры объекты – предметы, события, факты. Представления о культурно значимых предметах, событиях, фактах, зафиксированных в концептах, связаны с

понятием прототипа, или, точнее, с прототипическими признаками тех или иных классов предметов.

Прототипический подход к семантике предполагает, что категории выступают в наиболее ярких и презентабельных образцах (Лакофф; Лангаккер; Рахилина). *Прототип* – это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и во многих случаях – наиболее высокой степенью регулярности функционирования. Одним из общих свойств инварианта и прототипа является свойство относительности, суть которого состоит в том, что рассматриваемое значение может быть производным от прототипа более высокого уровня и вместе с тем быть прототипом по отношению к тому или иному семантическому варианту, находящемуся на более низкой ступени иерархии.

Соотношение рассматриваемых понятий обуславливает алгоритм инвариантно-прототипического анализа: 1) решает вопрос истолкования данного семантического феномена как категориального значения, представляющего собой инвариант; 2) определяет сеть (ряд) вариантных реализаций изучаемого категориального значения (наличие вариантности предполагает использование понятия прототипа как эталонного варианта, наиболее ярко выявляющего специфику данного значения); 3) рассматривает отдельные этапы перехода эталонных свойств к свойствам единиц, находящихся в ядерной зоне, затем в ближней и крайней (дальней) периферии.

Прототипические признаки – это те свойства, которыми характеризуются предметы соответствующего класса. Причем набор таких признаков и их иерархия в каждом национальном языке «свои». Иными словами, одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковым сознанием в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном классе предметов. И это при том, что логически механизмы их концептуализации остаются универсальными. Одинаковые концепты в разных языках могут иметь различные вербальные репрезентации в виде этнокультурного компонента значения слова или фраземы. Ср. ?прогадать? – рус. *менять (променять) кукушку на ястреба (шило на швайку, сапоги на лапти)* [*лапоть* – постолы, короткая плетеная обувь из лыка (лычники), мочалы (лычный лапоть)]; *шило* – спица, осаженная в колодочку для протыкания дыр при шитье кожи; *швайка* – лапотное шило, неосаженное в колодочку, свайка, кочедык]; укр. *міняти (вимгнати, проміняти)*, *шило на мотовило; проміняти бика на індика (ремінець на личко)* [*мотовило* – у крестьян костыль с развилиной на другом конце (колодка и рожки) для намота пряжи с веретена; укр. *ремінець* – рус. *ремешок* (от *ремень*); *личко* от *лыко* – волокнистое, неокрепшее подкорье молодой липы, идущее

на лапти; кстати, из лыка делали ремешки (ср. поговорку: *возьмешь лычком, отдашь ремешком*)]; словац. *dostat sa z blata do kaluze (z dazd?a pod odkvap)* [букв. угодить из-под дождя под водосток]; чеш. *vybrat si z dvou spatnych moznosti tu horsi; pfijit (dostat se) z deste pod okap, spadnout (z blata do louze)* [из болота в лужу]; *chytit to za spatny konec*. С некоторыми смысловыми вариациями эти выражения выражают одно – ?из плохого выбирать худшее?, ?ошибаться в выборе?.

Как видим, номинативными единицами повышенной этнокультурной значимости являются обозначения предметов быта (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т. д.), а также антропонимы, топонимы, названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции. Другой тип номинативных единиц, ядерный компонент лексических значений которых национально обусловлен, образует, по данным А.Г. Гурочкиной, коннотативная лексика. Например, одних и тех же животных народы разных стран наделяют различными качествами (*свинья* – амер. ?грубиян, жадина?; рус. ?неряха, грязнуля?).

Специфика наименования, представления того или иного объекта, явления или процесса отдельным этноязыковым коллективом обусловлена его особым видением мира, определяемым культурной моделью, существующей в национальной традиции, и ее языковой проекцией. Изучение пословиц и поговорок, отражающих представления о мире внутри отдельной национально-культурной традиции, формирующей свой состав словаря, определяющей особенности текстовой организации, позволит выявить особенности восприятия и познания мира разными народами, характер отображения и расчленения мира языком определенного этноса.

Принципы структурной стратификации этноязыкового сознания

Существуют уровневый и полевой принципы структурирования этноязыкового сознания. Согласно уровневой модели, оно включает в себя следующие культурно маркированные коды: (а) лексико-семантический (тезаурус), (б) грамматический (языковую компетенцию, по Н. Хомскому) и (в) коммуникативный. В соответствии с полевым принципом в этноязыковом сознании выделяются ядро и периферия. Ядро составляют языковые знаки (прежде всего словесные), которые в ассоциативно-вербальной сети объективируют базовые культурные концепты, периферию – производные от них субконцепты. Причем языковые знаки выступают не просто оболочкой концептов, а средством их смыслового обогащения. Дело в том, что, обозначая предмет, знак выделяет в нем соответствующие *свойства*, ставит его в нужные *отношения* к другим предметам, относит его к известным *категориям* (Лурия, 1998). В целом смылопорождающая роль знаков как элементов языкового сознания состоит в том, что они являются средством осуществления *интериоризации*, превращения внешнего во внутреннее,

т. е. «вращения» образов познаваемых (внешних) объектов внутрь нервно-мозговой системы.

Сущность процесса интериоризации объясняется с помощью теории предметной деятельности. При этом уточняет, что если признать, что предметное действие не только опосредствовано внешними орудийными и знаковыми средствами, но и содержит в себе, в своей внутренней картине, или форме, образ, цель, интенции, мотив, слово; если признать, что сама предметная деятельность есть идеальная форма, то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним. Однако этот вектор размышлений меняет понятие медиатора, обобщающее различные виды средств, используемых в деятельности. К ним относятся как внешние (орудие труда, игрушка, символ, миф), так и внутренние (движение, действие) средства осуществления деятельности. Однако между этими типами средств не существует жесткой разграничительной линии. «Внешние» медиаторы в конечном итоге становятся «внутренними» как раз в процессе интериоризации. При этом делается крайне важное уточнение, что интериоризируются не внешние (вещные) орудия, а их значения и смыслы. Это замечание, с одной стороны, побуждает нас обратиться к сущности предметного значения, а с другой – к механизмам преобразования минимальных свойств и признаков познаваемого предмета в наносмыслы языковой семантики.

«Вращивание» образов познаваемых (внешних) объектов внутрь нервно-мозговой системы заключается в том, что образы внешнего мира, как уже отмечалось, не просто расширяют уже имеющееся культурно-смысловое пространство, но и активно воздействуют на ранее сложившуюся понятийную систему, стимулируя тем самым ее развитие. Это обеспечивает так называемое *опережающее отражение*.

В процессе опережающего отражения порождаются новые смысловые элементы, требующие семиотизации и локализации в языковом сознании, проецируя тем самым семный состав означаемого языкового знака. Значение языкового знака является основной ячейкой языкового сознания, в которой фиксируется и представляется культурно-исторический опыт народа.

Язык, таким образом, служит не внешним атрибутом сознания, а объективированным сознанием, способным к опережающему отражению закономерно ожидаемых изменений в познаваемом мире. В процессе семиотизации познаваемых объектов развитию и трансформации подвергается сама структура сознания (его внутренние связи и отношения), изменяются и процессы, в нем протекающие. В конечном счете структурированное знание, будучи содержанием сознания, требует своей вербализации и, закрепляясь в языке, предопределяет изменение и смысловое развитие языкового знака, которое в конечном итоге завершает формирование культурного концепта. При таком понимании культурный концепт – это маркированный этноязыковым сознанием *смысл*, реализующийся в речи в достаточно широком диапазоне

лингвосомиотических средств (слов, словосочетаний, фразеологических единиц, предложений и даже целого текста) в пределах того или иного этнически ориентированного когнитивно-семасиологического кода. Одни исследователи, в той или иной степени разделяющие такой подход к пониманию концепта, склонны, как уже упоминалось, к отождествлению понятий «концепт» и «смысл», другие усматривают в них разные сущности. Насколько это важно для лингвокультурологии?

Этнокультурное сознание и языковое значение

В лингвокультурологии своеобразно переплетаются когнитивные и собственно культурологические категории. Важнейшей среди них является понятие этнокультурного (этноязыкового) сознания. Если *сознание* в когнитивистике – это высшая, понятийная, форма отражения человеком действительности и его отношения к отражаемому, то этнокультурное (этноязыковое) сознание – высшая духовная категория, представляющая собой ассоциативно-смысловую форму отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества.

В соответствии с таким пониманием структурными компонентами этнокультурного сознания являются, с одной стороны, когнитивные (понятия, представления) и некогнитивные (чувства, эмоции, воля и др.) элементы, а с другой – элементы культуры (ценности, оценки, смысловые интерпретации и т. п.). *Познание* – процесс отражения и воспроизведения в мышлении действительности, в результате которого происходит накопление знания. *Знание*, как показывает анализ данных определений, выступает общим элементом в содержании трех когнитивных категорий: *знание* – совокупность результатов отражения – и как таковое является содержанием и способом существования сознания; *мышление* – способ получения знания и *сознание* (сознание) – соотнесение знаний с действительностью, одного знания с другим. Знание как способ существования сознания закрепляется в языке, точнее, фиксируется и хранится при помощи языковых знаков в виде *языкового знания*. Следовательно, если предметно-семиотическое знание является содержанием и способом существования сознания вообще, то языковое знание является содержанием и способом существования *языкового сознания*, объективирующего, кроме всего прочего, и знание внутренних механизмов, связывающих концепты и речевые жанры.

В соответствии с изложенным следует различать две взаимосвязанные ментальные сферы:

а) когнитивную ментальность, т. е. наглядно-образное отражение мира по схеме: предметно-образное *мышление* (способ отражения, способ познания) – когнитивное *сознание* (продукт отражения и хранения социально-исторического опыта) – когнитивное *знание* (содержание и

способ существования когнитивного сознания) – предметное значение (форма существования представлений и образов);

б) языковую ментальность, т. е. языковое представление действительности в преломлении соответствующих языковых категорий по схеме: языковое / речевое мышление (лингвосемиотический способ познания) – языковое сознание (закрепленный за языковыми формами и категориями способ вторичного отражения социально-исторического опыта) – языковое знание (содержание и способ существования языкового сознания) – языковое значение (форма выражения языкового знания).

Пожалуй, впервые понятие «языковое сознание» было введено в науку В. фон Гумбольдтом. Язык, писал ученый, в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания (Гумбольдт). Специфической формой выражения языкового сознания является языковое значение. По данным когнитивной лингвистики, оно представляет собой результат качественно иного осмысления исходного (наглядно-опытного) отражения поименованного предмета, дополняет, обобщает его, вводит, по словам А.Н. Леонтьева, в новые связи и отношения. В этом смысле язык подчинен мышлению, о чем писал Э. Сепир: «...язык по своей сути есть функция до-рассудочная. Он смиренно следует за мышлением, структура и формы которого скрыты... язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль» (Сепир, 1993: 36).

Причем подчинение языка мышлению носит эвристический, «творческий» характер. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами» (Лурия).

Следовательно, слово, точнее, его значение как способ и форма существования сознания – это особая (когнитивно-семиологическая) форма отражения действительности, благодаря которой человек может свободно существовать в этом двойном мире. Все это оказывается возможным благодаря особым свойствам языкового значения: не будучи отражением в гносеологическом смысле, в слове как «особой форме отражения» происходят кодирование и категоризация знания в знаковой (символической) форме, которые одновременно обогащают его совокупным социальным опытом, упорядочивают и организуют в тех или иных языковых формах.

В ходе категоризации мира языковое сознание осуществляет сложную аналитическую и синтетическую работу. Расчленяя при помощи языка предметно-опытные знания на элементы и устанавливая между ними определенные связи и отношения (сходства, тождества, различия, принадлежности), мы тем самым обогащаем исходные когнитивные знания языковыми знаниями (лексико-семантическими, грамматическими и

лингвопрагматическими), формой выражения которых являются языковые значения. Языковые знаки, именуя познаваемые предметы, с одной стороны, вбирают и фиксируют в своих значениях обобщенный опыт когнитивного освоения действительности, а с другой – подвергают его «давлению системы» языка, вводя соответствующие знаки в уже сложившиеся языковые отношения – *эпидигматические*, или деривационно-смысловые (Д.Н. Шмелев), *семантические* (полисемичные, антонимичные, синонимичные, гипонимические и др. парадигматические связи в семантическом поле), синтагматические и стилистические. Таким образом, значение языкового знака нетождественно когнитивным структурам, поскольку, кроме предметно-понятийного ядра, содержит эпидигматическую и системно-языковую информацию.

Текст 9

Языковая личность

Вопросы к тексту:

1. Что понимается под языковой личностью?
2. Какова история становления понятия «языковая личность»?
3. Назовите 3 уровня структурирования языковой личности по Ю.Н. Караулову.
4. В чем заключается сущность концепции языковой личности по В.В. Красных?
5. В чем заключается сущность концепции языковой личности по Г.И. Богину?
6. Какие типы языковой личности выделяет В.П. Нерознак?
7. Что включает в себя ценностный аспект изучения языковой личности?
8. Что включает в себя познавательный аспект изучения языковой личности?
9. Что включает в себя поведенческий аспект изучения языковой личности?

В наше время словосочетание «языковая личность» стало одним из главных филологических понятий. Большинство исследователей в настоящее время оно оценивается как интегративное, послужившее началом формирования нового этапа в развитии языкознания – антропоцентрической лингвистики.

В последнее время интерес к проблеме языковой личности еще более возрос в связи с активизацией исследований, посвященных изучению

личности говорящего индивида в русле таких дисциплин, как психолингвистика, социолингвистика, лингводидактика.

Феномен языковой личности является в последние десятилетия объектом постоянного и пристального внимания многих лингвистов, таких как В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов, В.Д. Лютикова и др.

Можно утверждать, что в современном языкознании большое количество направлений, от лингвистики до теории коммуникации, занимается разработкой проблемы языковой личности. Но, несмотря на возрастающий интерес к данной проблеме, многие вопросы еще не решены достаточно конкретно.

Языковая личность как объект лингвистического исследования

Понятие языковой личности образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность.

Прежде всего, под языковой личностью понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения, - **личность речевая.**

Также под языковой личностью понимается совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, - **личность коммуникативная.**

И, наконец, под языковой личностью может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре - **личность словарная, этносемантическая.**

Языковая личность - это одна из актуальных и перспективных проблем современной когнитивной и коммуникативной лингвистики. Особенный интерес для языковедов данная проблема представляет в свете предложенного Ю. Карауловым нового подхода - «за каждым текстом стоит языковая личность» (в противовес основному тезису лингвистических исследований последнего полувека «за каждым текстом стоит система языка»).

Первое обращение к понятию языковой личности связано еще с именем немецкого ученого Лео Вайсгербера в его работе «Die sprachliche Personlichkeit». Введение понятия языковой личности было подготовлено различными направлениями языкознания и философии.

В исследовании языковой личности в отечественной лингвистике первые шаги были сделаны В.В. Виноградовым, рассматривавшем в качестве двух

возможных путей языковой личности автора и персонажа, а также создавшим своеобразный реестр сложностей исследования. Дефиниции языковой личности лингвист не дал, но заметил, что уже Бодуэна де Куртенэ, интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и слияния разных социально-языковых категорий.

Были различные попытки исследователей дать определение языковой личности, но наиболее концептуально языковая личность представлена в трудах Ю.Н. Караулова: «Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью». Ю.Н. Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст и не только на него.

Языковая личность, по мнению Ю.Н. Караулова, обнаруживает три структурных уровня.

Первый уровень – вербально-семантический – отражает степень владения обыденным языком и не дает возможностей для проявления индивидуализации. Данный уровень включает фонетические и грамматические знания личности.

Второй уровень – когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму и создающих коллективное и индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры.

Третий – высший уровень – прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

К вербально-семантическому уровню структуры отнесены такие понятия, как слово, морфема, словоформа, словосочетание и т.д. Единицами когнитивного уровня признаны концепт, фразеологизм, метафора и др. Эти единицы организуют относительно стабильную картину мира. К единицам прагматического уровня отнесены элементы рефлексии, оценка, способы аргументации, планы и др. Данные единицы в составе прагматического уровня отражают цели языковой личности, ее активную позицию в мире, а также динамичность картины мира.

Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика

языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

Также выделяют и другие концепции языковой личности. К примеру, В.В. Красных выделяет в ней следующие компоненты: 1) человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; 4) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

Г.И. Богин в своей концепции языковой личности создал модель, в которой человек рассматривается с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи. Он выделял пять уровней речевой способности: от низшего до высшего: 1) уровень правильности, который требует соблюдения некоторого минимума правил, позволяющих относить каждое данное сообщение именно к данному языку; 2) уровень скорости, требующий обоснованного распределения речевого поступка во времени на основе достигнутой способности к пониманию речи; 3) уровень насыщенности, который характеризуется готовностью личности использовать значительный массив потенциальных речевых актов, выходящий за пределы того минимума средств, при которых передача предметного содержания уже возможна, но еще не допускает варьирования; 4) уровень адекватного выбора, подразумевающий готовность личности в пределах предложения производить выбор на основе критерия адекватности текста; 5) уровень адекватной комплектации целого текста, требующий готовности личности адекватно выбирать способ соединения предложений, в которых осуществлен адекватный выбор средств выражения; данный уровень соответствует способности безупречно строить и понимать целые тексты.

В.П. Нерознак, рассматривая частночеловеческую языковую личность, выделяет два основных ее типа: 1) стандартную языковую личность, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка, и 2) нестандартную языковую личность, которая объединяет в себе «верхи» и «низы» культуры языка. К верхам культуры исследователь относит писателей, мастеров художественной речи. Низы культуры объединяют носителей, производителей и пользователей маргинальной культуры.

При сравнении различных трактовок языковой личности мы можем сказать о том, что языковая личность представляет собой многомерное образование. Типы языковых личностей выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиции либо личности, либо языка.

Аспекты изучения языковой личности

Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативных ценностей, знаний и установок. Применительно к коммуникативной личности можно выделить ценностный, познавательный и поведенческий аспекты этого понятия.

Ценностный аспект языковой личности

Ценностный план коммуникативной личности содержит этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период. Эти нормы закреплены в нравственном кодексе народа, отражают историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком. Нравственный кодекс народа выражается в языке лишь частично. В число языковых индексов такого кодекса входят универсальные высказывания и другие прецедентные тексты (по Ю.Н. Караулову), составляющие культурный контекст, понятный среднему носителю языка, правила этикета, коммуникативные стратегии вежливости, оценочные значения слов. Существуют общечеловеческие ценности; ценности, свойственные определенному типу цивилизации; ценности, характеризующие определенный этнос. Наконец, выделяются ценности, свойственные малым группам, и индивидуальные ценности личности. Соответственно коммуникативную личность можно охарактеризовать в ценностном аспекте по соотношению доминантных ценностей, по степени их дифференциации и т.д.

Нормы поведения имеют прототипный характер, т.е. мы храним в памяти знания о типичных установках, действиях, ожиданиях ответных действий и оценочных реакций применительно к тем или иным ситуациям. Вместе с тем мы допускаем возможные отклонения от поведенческой нормы, причем такие отклонения всего содержат дополнительную характеристику участников общения. Наконец, существуют поведенческие табу, нарушение которых вызывает отрицательную реакцию участников общения и прекращает общение.

Познавательный аспект языковой личности

Познавательный (когнитивный) план коммуникативной личности выявляется путем анализа картины мира, свойственной ей. На уровне культурно-этнического рассмотрения выделяются предметно-содержательные и категориально-формальные способы интерпретации действительности, свойственные носителю определенных знаний о мире и языке.

Когнитивный уровень предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека.

Термин «картина мира» впервые был предложен Л. Витгенштейном в аспекте философии. В лингвистику термин был введен Л. Вайсгербером.

Современная лингвистика же уделяет большое внимание исследованию понятия «индивидуальная языковая картина мира». Под индивидуальной языковой картиной мира мы понимаем модель мира, представленную в сознании личности системой концептов, выраженных средствами языка в определенный исторический период.

Сравнивая индивидуальное и коллективное языковое сознание, можно построить четырехкомпонентную модель возможных соотношений образов в мире отдельного члена общества и в обществе в целом: 1) образы в основных характеристиках совпадают; 2) индивидуальные образы значительно беднее коллективных; 3) индивидуальные образы богаче коллективных, наполнены личностными смыслами, связаны с переживаниями и более глубоким освоением соответствующей области действительности; 4) индивидуальные и коллективные образы не совпадают, случаи ошибочных представлений, например, когда человек вкладывает произвольный смысл в непонятное для него слово, ориентируясь на фонетические ассоциации.

Познавательный аспект языковой личности освоен в лингвистике как семантика языковых единиц или как семантика общения.

Поведенческий аспект языковой личности

Поведенческие характеристики языковой личности – это совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип. Говоря о человеке в аспекте его коммуникативного поведения, мы имеем в виду прагмалингвистические параметры языковой личности, т.е. рассматриваем общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы их реализации.

Поведенческий план коммуникативной личности характеризуется специфическим набором характеристик речи и средств общения. Такие характеристики могут рассматриваться в социолингвистическом и прагмалингвистическом аспектах: в первом выделяются индексы речи мужчин и женщин, образованных и менее образованных носителей языка, людей, говорящих на родном и неродном языке, во втором – речеактовые, дискурсивные ходы в естественном общении людей. Поведенческий стереотип включает множество отличительных признаков и воспринимается целостно. Любое отклонение от стереотипа воспринимается как сигнал неестественности общения, как знак принадлежности партнера по общению в чужой культуре.

Предлагаемые аспекты коммуникативной личности соотносимы с трехуровневой моделью языковой личности (вербально-семантический, когнитивный, прагматический уровни). Различие состоит в том, что уровневая модель предполагает иерархию планов: высшим является прагматический уровень, включающий цели, мотивы, интересы и установки; средний уровень представляет собой картину мира, включающую понятия, идеи, и отражающую иерархию ценностей; низший

уровень – уровень владения естественным языком, уровень языковых единиц.

Таким образом, языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны. Типология языковых личностей может строиться на основании различных критериев, из которых наиболее разработаны психологический и социологические признаки. Языковая личность характеризуется множеством признаков, которые можно рассматривать в ценностном, понятийном и поведенческом аспектах.

Любая языковая личность имеет трехуровневую структуру. Первый уровень – вербально-семантический, отражающий степень владения обыденным языком. Второй уровень – когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация знаний и представлений, присущих социуму и создающих коллективное и индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. И третий – высший уровень – прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Изучение языковой личности ведется согласно трем аспектам: ценностному, по соотношению доминантных ценностей, познавательному, путем анализа картины мира, свойственной языковой личности, и поведенческому, рассматривая общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы и реализации.

Текст 10

Лингвопсихологическая типология языковых личностей

Вопросы к тексту:

- 1. Какие направления в изучении вербального проявления субъекта коммуникации обуславливают многообразие его лингвистических моделей?**
- 2. В чем заключается классификация языковых личностей в духе юнговской психологической типологии?**

За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка (Ю. Н. Караулов). Внимание к языковой личности – отличительная черта современного гуманитарного знания. Антропоцентрическая тенденция в лингвистике предполагает выдвижение в центр научного поиска коммуниканта с его семиотическими возможностями.

Детальное внимание современных исследователей к вербальным проявлениям субъекта коммуникации приводит к образованию лингвистических моделей в различных референциальных сферах (такая модель содержит элемент «лингво»): лингвориторическая парадигма (А. А. Ворожбитова; М. Н. Макеева), лингвокультурология (В. И. Карасик; Г. Г. Слышкин), лингвопрагматика (М. Л. Макаров; С. А. Сухих), лингвопсихология (С. А. Сухих) и др. Выработка тенденций исследования языковой личности позволяет дифференцировать область дальнейших поисков в изучении особенностей реализации коммуникативного поведения.

Возможность изучения семиотического поведения личности мы видим в психологической детерминированности продуктов речевой деятельности субъекта коммуникации, выходя, таким образом, на уровень лингвопсихологии. В основе классификации языковых личностей может находиться юнговская психологическая типология, которая, в свою очередь, базируется на диспозиции психики субъекта коммуникации. Система Юнга основана на понятии психологической установки (своеобразного мироотношения), которая может быть экстравертной либо интровертной. К. Г. Юнг считал, что всякий человек стремится либо к восприятию объектов внешнего мира, либо стремится от них абстрагироваться: «Это различие есть, вероятно, не что иное, как различие темпераментов, противоположность двух типов духовного склада человека, из которых один определяется преимущественно субъектом, а второй – объектом».

Кроме этого, К. Г. Юнг отмечает и преобладание той или иной психической функции (доминирующие функции сознания, проявляющиеся в человеке наряду с близостью его к одному из личностных типов), к которым он относил мышление, чувство, ощущение и интуицию (подробные психологические характеристики основных типов личности, разработанные на основе концепции Юнга, представлены в современной психологии. Каждый из этих компонентов связан с важнейшими аспектами жизни человека говорящего, в результате чего психологический тип сильно влияет на вербальное поведение.

В основе предлагаемых в ряде работ лингвопсихологических таксономий – тенденция коммуниканта использовать знаковые структуры, коррелирующие с психологическими переменными и характеризующие вербальное поведение. Лингвопсихологическая типология языковых личностей, основанная на полученных эмпирических данных и соотнесенная с известными психологическими характеристиками личности, включает следующие типы.

1. **Метасимволическая языковая личность.** Демонстрирует интуитивно-логический психотип, в психологии квалифицируется как мыслитель-теоретик. Психологическая характеристика базируется на доминировании интуиции и логики (в соответствии с чем, основными чертами характера являются независимость и скептицизм) при слабой

представленности в психотипе сенсорики (способности воспринимать информацию преимущественно посредством пяти систем чувств) и эмоций. Особенности вербального поведения данного психотипа определяются прежде всего тем, что мыслители-теоретики, будучи интуитами, в своем дискурсе концентрируются не на деталях, а на картине в целом, не на настоящем, а на будущем (то, что ощутимо и происходит сейчас – не важно, важно то, что может произойти). Грамматически для них важна форма будущего времени, т.к. они склонны фантазировать. Постоянно находясь в поисках новых знаний, они отдают предпочтение абстрактным идеям и теоретическим понятиям. В своих выражениях они фигуральны и многословны, их фразы обычно длинные, могут быть запутанными и беспорядочными и иногда обрываются посередине, что демонстрирует процесс мыслетворчества (особенно у экстравертов). Поскольку их мыслительный процесс довольно глубокий и многогранный, они часто используют сложные предложения, выражающие одновременно несколько мыслей, за которыми довольно сложно уследить. Они находят совершенно новые и неординарные решения проблем, получают удовольствие от разъяснения создавшейся ситуации практически из любой области знания. Когда они следят за простотой своего языка, они могут быть интересными собеседниками; экстраверты при этом искусны в устной речи, а интроверты привлекают своими письменными произведениями. У метасимволической языковой личности ярко выражена склонность к ассоциативному мышлению как проявление интуитивной основы психотипа: в своих дискурсах они рассказывают не о специфике данного объекта, а об ассоциациях, возникающих у них в связи с этим объектом. Интеллектуально-ассоциативный подход к получаемой информации позволяет говорить о «метаспособе» мышления, о способности языковой личности выявлять и опредмечивать в дискурсе логическую обусловленность предметов и систем окружающего мира максимально точно. Воспринимая ситуацию в целом, они не обращают внимания на детали, не описывают их, если только такая деталь не затронула их лично на ценностно-смысловом уровне. Метасимволическая языковая личность использует язык изобретательно, что отражает интуитивистскую основу психотипа, с удовольствием и часто применяет в речи метафоры и аналогии, имея в арсенале богатый словарный запас. В ее лексиконе широко представлена книжная лексика, популярна абстрактная лексика, фразеологизмы. Мыслители-теоретики используют в речи каламбуры, двусмысленные фразы, тщательно подбирая слова и обращая особое внимание на нюансы языка. Им нравится подбирать для выражения нюансов мысли необычные, редкие слова. Они наслаждаются игрой слов, придавая большое значение форме своей речи, стараются находить все новые вербальные способы самовыражения и имеют репутацию начитанных и остроумных собеседников. Речь их отличается прямоотой и критичностью. Они часто используют слова, точно отражающие ситуацию, но скрывающие при этом их собственное мнение по данному вопросу.

Эмоционально-оценочная лексика, используемая в речи таких людей, как правило, выбрана субъектом коммуникации для наиболее «объективной» оценки происходящего. Комментарий логика почти не дает понять эмоции, вызванные у него событием, т.е. субъективное мнение, обозначая лишь его мысли по поводу события. Такие люди, как правило, говорят спокойно и размеренно, их мысли всегда следуют в четком порядке даже во время стрессов и конфликтных ситуаций. Мыслители-теоретики, обладая аналитическим складом ума, способны видеть возможности и альтернативы, являющиеся далеко не очевидными, что находит отражение в процессе осмысления действительности. Творческая направленность рассматриваемого психотипа с особой силой реализуется в осмыслении ситуаций, содержащих разногласия в своей оценке. Будучи логически ориентированными (аспект, затрагивающий различные способы принятия решений), такие индивидуумы стараются оценить ситуацию объективно и беспристрастно. Стремление к правдивости отражается в том, что они нередко забывают о положительной оценке события. Мыслители-теоретики слывут скептиками от природы.

2. Эмпатическая языковая личность. Демонстрирует интуитивно-эмоциональный психотип, в психологии квалифицируется как эстетическая художественная натура. Психологическая характеристика базируется на доминировании интуиции и эмоций (в соответствии с чем, основной чертой характера отмечается чуткость) при слабой представленности в психотипе сенсорики и логики. Особенности вербального поведения данного психотипа определяются, прежде всего, тем, что эмпатики, как и мыслители-теоретики, будучи интуитами, в своем дискурсе концентрируются на картине в целом, а во времени ориентированы на будущее. Грамматически для них также важна форма будущего времени, т.к. они отдают предпочтение фантазии, активизируя свое воображение. Однако, в отличие от метасимволической языковой личности, эмпатик руководствуется эмоциями, а значит, при решении проблем опирается, главным образом, на свою систему ценностей, пытаясь определить, как его действия могут повлиять на окружающих. Дискурс эмпатической языковой личности бывает путанным и витиеватым в силу интуитивистской основы психотипа. В основе дискурса, как и у мыслителя-теоретика, у эмпатика-эмоционала лежат ассоциации, возникающие у него в связи с описываемым объектом, однако склонность к ассоциативному мышлению реализуется в данном случае в описании собственных чувств, эмоционального восприятия событий. Игнорируя специфику описываемого объекта, эмпатик не обращает внимания на детали, эмоционально реагируя на ситуацию в целом и оценивая ее изнутри. Поскольку основными качествами эмоционалов считаются сострадание и способность разговаривать с людьми, они могут сильно отходить от объективной оценки ситуации. Лексически это выражается в том, что предикаты, связанные с пониманием содержания, носят характер иррационального (эмоционально-чувственного) восприятия, а не

непосредственного знания особенностей описываемой ситуации. Для эмпатиков-эмоционалов важны чувства, они склонны улавливать эмоции окружающих и пытаются по-делиться с ними своими чувствами. В дискурсе присутствует эмоционально-оценочная лексика, используются словообразовательные и морфологические оценочные средства, а также актуальны слова, называющие непосредственные ощущения при восприятии ситуации (стало грустно, на душе покой, в жар бросает и т.п.). Многословность, беспорядочность, запутанность фраз обусловлены чрезмерной сентиментальностью эмпатической языковой личности, вниманием к мелочам, касающимся отношений. Для эмпатиков очень важно ощущать свою связь с окружающими, поддерживая со всеми гармоничные отношения. Они очень восприимчивы и чутки к эмоциям окружающих, сами легко и с желанием погружаются в эмоции. Как лексически, так и синтаксически эмпатики рассказывают о своем отношении к окружающему миру. В их дискурсах доминирует оценочная лексика, а также сложные и осложненные предложения – средства формирования мысли в потоке эмоций. Фразы, как правило, длинные и зачастую обрываются посередине (эмпатики, как ярко выраженные эмоциональные интуиты, способны «вчувствоваться», подсознательно принимать точку зрения говорящего и заканчивать его предложение). Эмпатическая языковая личность в целом использует язык изобретательно, считая изящную речь искусством. Обладая творческим складом ума, они способны видеть оригинальное разрешение событий, часто находят новые способы вербального эмоционального самовыражения, высоко ценят оригинальность и неповторимость во всем. У эмпатиков необычны и чувственны метафоры и эпитеты, часто используются оксюмороны, они творчески преподносят свое сочинение как жанр (это может быть рассуждение в виде притчи, стихотворения, диалога, сказки и т.п.), многие эмпатики наделены поэтическим даром. Им нравятся редкие и устаревшие слова, фразеологизмы, поговорки, часто они выстраивают в своей речи двусмысленные выражения, используют игру слов, каламбуры, активно используется абстрактная лексика. Как правило, все это служит выражению эмоционально-экспрессивного восприятия и оценки событий. Словарный запас у эмпатической языковой личности богат и динамичен. Выстраивая свою речь, эмпатики-эмоционалы стараются обходить острые углы, достигнуть согласия с собеседником, для этого они сначала ищут общую тему. На первый план они выводят восхищение и похвалы, осторожно и умело подбирая слова критики. Отзыв эмоционала говорит о вызванных эмоциях, не являясь объективной критикой события. Они легко теряют спокойствие, проявляют излишнюю горячность в разговоре (особенно это касается эмоционалов-экстравертов), что проявляется в спонтанности речи, перескакивании с темы на тему. Эмпатиков отличает философская настроенность, главной их целью является познание самих себя, окружающих и смысла жизни, они стремятся найти и использовать скрытый потенциал в себе и окружающих людях. Если метасимволическая

языковая личность ориентирует вербальное поведение на самое себя, то эм- патическая языковая личность в целом направлена вовне, видя свое предназначение в диалогическом сосуществовании с другими людьми (это характеризует как экстравертов, так и интровертов данного психотипа). Для представителей этого типа важны прямота в поступках и выражении мысли и верность идеалам, превыше всего для них достижение своей цели в жизни. Часто они оказываются талантливыми и обаятельными ораторами, чьи речи полны энтузиазма и убедительности.

3. Фактографическая языковая личность. Демонстрирует сенсорно-планирующий психотип, в психологии квалифицируется как мыслитель-практик. Психологическая характеристика базируется на доминировании сенсорики и тактики (в соответствии с чем, основной чертой характера отмечается ответственность) при слабой представленности в психотипе интуиции и созерцательности (способности наблюдать жизнь, приспособившись к ней). Особенности вербального поведения данного психотипа определяются, прежде всего, тем, что сенсоры (аспект, связанный со способом постижения информации), воспринимающие информацию преимущественно посредством пяти систем чувств, предпочитают непринужденную, непосредственную манеру общения (в противовес витиеватости и изысканности интуитов). В своем сочинении фактографическая языковая личность расскажет о том, что её чувства (восприятие окружающего мира посредством пяти чувств) рассказали ей о данном объекте. Очевидна склонность к перечислению фактов и подробностей. Фактографичность в дискурсе и в жизни отличает этот тип языковой личности от других. В жизни такие люди доверяют только тому, что они почерпнули из своего или чужого опыта, во всем отдавая предпочтение фактам, собранным и упорядоченным (лучше в виде таблицы). Сенсорное мироощущение фактографической языковой личности, находящееся в основе создания текста, базируется на внимательном, скрупулезно детальном отношении к окружающему миру. В силу этого фактографическая языковая личность не концентрируется на картине в целом, смысл воспринимаемого текста или ситуации понимается как обусловленный конкретно, фактически, часто не связываясь с символической ситуацией в целом. Описывая сущность увиденного, сенсоры стремятся проанализировать то, что окружает их, во всех подробностях, опираясь только на факты и не отвлекаясь при этом на собственные ассоциации и аналогии, как интуиты. Они во всем высоко ценят структуризацию, организованность и четкую иерархию, поэтому их дискурсы имеют, как правило, четкую структуру в развертывании мысли. Верность своему слову в жизни у таких людей во многом обусловлена невозможностью допустить «вероятностную модель» существования мира вообще и конкретной ситуации в частности. Видя единственно правильный путь и единственно правильный смысл, они не допускают иного разрешения ситуации, проявляя при этом решительность и осторожность. Психологи отмечают их незыблемую веру в важность

существования и беспрекословного исполнения правил и законов. Их речь всегда последовательна: каждая следующая мысль логически вытекает из предыдущей, т.е. они обычно мыслят прямой логической цепочкой. Сенсоры точны и лаконичны, их предложения обычно коротки и содержат законченную мысль (они верят в то, что слова людей не отличаются от их мыслей). Обладая прагматической направленностью мышления, они считают язык инструментом, приспособлением, предназначенным для как можно более точной передачи мыслей. Эстетическая сторона речи воспринимается ими как побочный результат, полученный при использовании языка по прямому назначению. Грамматически актуальны для сенсоров формы прошедшего и настоящего времени, т.к. они, стремясь жить сегодняшним днем, предпочитают факты и реализм (они отлично помнят то, что произошло с ними в прошлом, и на основании 50 Издательство «Грамота» www.gramota.net этого принимают решения; они чувствуют себя гораздо удобнее, имея дело со знакомыми вещами, а не экспериментируют с неиспробованными). Представители рассматриваемого типа языковой личности, будучи тактиками (аспект, описывающий различные способы строить свою жизнь, способность приспособляться к происходящему вокруг), принимают решения без промедления, уверенно высказывая свое мнение. Они предпочитают вводные слова со значением уверенности, прямой порядок слов, используют простые предложения. Они также часто употребляют пышные фразы, заканчивающиеся восклицательным знаком. Практичность и реалистичность фактографической языковой личности позволяют во многом основываться в своих решениях на здравом смысле и накопленном жизненном опыте. Творчество представителей фактографического типа языковой личности проявляется в нахождении новых приложений давно изобретенных вещей.

4. Репрезентативная языковая личность. Демонстрирует сенсорно-созерцательный психотип, в психологии квалифицируется как прагматическая художественная натура. Психологическая характеристика базируется на доминировании сенсорики и импульсивности, способности приспособляться к происходящему вокруг (в соответствие с чем, основной чертой характера отмечается независимость) при слабой представленности в психотипе интуиции и тактики (способности быстро принимать решения). Особенности вербального поведения данного психотипа определяются, прежде всего, тем, что, имея склонность к чувственному (сенсорному) восприятию, репрезентативная языковая личность предпочитает разговаривать о реальных вещах, не затрагивая философских проблем (разговорам о смысле жизни они предпочитают активное в ней участие). Легкая, непринужденная манера общения отражается в простоте и способности бескомпромиссно называть вещи своими именами, когда без труда можно вступить в разговор и обсудить примеры из своей или чужой жизни. Репрезентативная языковая личность, имея сенсорную – а не интуитивную – психологическую основу, с

легкостью расскажет о том, что ее чувства (сенсорика) рассказали ей о данном объекте или ситуации. Будучи склонными к перечислению фактов и подробностей и мысля при этом прямой логической цепочкой (каждая следующая мысль логически вытекает из предыдущей), они не стремятся объяснить для себя их причины и особенности проявления, констатируя лишь их последовательность. Часто очень импульсивные, они попросту стремятся отреагировать на происходящее как можно быстрее. Внимание привлекают ситуации, жизненно важные для представителей данного типа языковой личности, когда причинно-следственные отношения вызывают интерес и их разрешение приносит интеллектуальное удовлетворение. В дискурсе предпочтение отдается простым предложениям с прямым порядком слов, их предложения обычно коротки и содержат законченную мысль. Обладая прагматической направленностью мышления, они, как и представители фактографического типа языковой личности, считают язык инструментом, приспособлением, предназначенным для передачи мыслей. Эстетическая сторона речи представляется им неактуальной, выступающей в роли резерва. Репрезентативная языковая личность использует в активе грамматические формы прошедшего и настоящего времени. Эти люди в жизни заняты поисками удовольствий в настоящем, поэтому редко задумываются о будущем, будучи настроенными на текущий момент. Представители данного типа языковой личности свободно строят предложения, их фразы просты и понятны, речь спокойна и обыденна, отличается точностью и лаконичностью, образные средства встречаются редко (исключение составляют эпитеты, обозначающие цветовые, звуковые или другие сенсорно воспринимаемые качества предметов). В дискурсе предпочтение отдается лексемам с узкой сферой референции. Из образных средств в своей речи они часто используют спортивные метафоры (именно спорт – та сфера реальной жизни, активная и доставляющая положительные эмоции, образы из которой достойны внимания репрезентативной языковой личности). Будучи беспечными, бесшабашными, легкими на подъем, они от природы раскованы и любят повеселиться. Они много улыбаются, часто смеются и редко говорят серьезно. Признак способности переноса значения как показатель креативности языковой личности проявляется в вербализации чувства юмора у представителей данного типа. Их юмор характеризуется буквальностью и директивностью, языковой игре они предпочитают пантомимный, балаганный юмор. Отсутствие природного стремления к структуре и организации делаает дискурс репрезентативной личности спонтанным (они любят динамику жизни, смену ситуаций, при этом не любят планировать), для которого характерно либо отклонение от основной темы, либо переход к рассуждениям не по теме (что свидетельствует о неумении видеть ситуацию в целом и понимать смысл всей ситуации). В целом их дискурс, как правило, характеризуется политемностью. Сочетание спонтанности и нерешительности, неспособности немедленного принятия решения приводит данную

языковую личность к постоянным сомнениям. Они сомневаются в правильно-сти своего мнения, склонны его изменять, используют в речи вводные слова, фиксирующие неуверенность. Большинство фраз заканчивается либо вопросом, либо многоточием, что отражает нерешительность и сомнение. Характеристика типов языковых личностей была бы неполной без комментариев экстравертивной или интровертивной направленности (аспект, связанный с энергетикой человека), присутствующей в каждом типе. Экстравертированность / интровертированность установок сознания (открытость, проницаемость мира для человека или замкнутость, защищенность от окружающего мира) – один из ведущих факторов, определяющих специфику построения картины мира для субъекта коммуникации. Этот фактор, в свою очередь, предопределяет дифференциацию по способам получения, обработки информации, являющейся сырьем для построения картины мира. Экстравертивная установка определяет сенсорную опору в получении информации в противовес интуитивному подходу в интровертивной установке и соответственно разные основы для принятия решений: мыслительную и чувствующую (сенсорную). Если признать компенсаторное отношение бессознательного к сознательному, то у экстравертивной установки есть всегда искушение пожертвовать собой в пользу объекта, ассимилировать себя с ним. Таким образом, создаются предпосылки к способу описания мира в виде внешних атрибутов. В текстах данная установка опредмечивается через дискретность описания ситуаций, тенденции к использованию сочинительных союзов, лексики конкретной референции, нарушению синтаксического порядка и эмфатического представления положения дел, бóльшей связанностью диалогических единств, но меньшей последовательностью в развитии темы диалога. Экстраверты обладают внешней направленностью, черпают и фокусируют свою энергию на людях и предметах, преимущественно думают вслух, что иногда является причиной озвучивания «сырых» идей. Дискурс экстраверта демонстрирует процесс анализа идеи. В основном экстраверты говорят намного больше, чем интроверты, их дискурс объемнее. В речи они предпочитают использовать местоимение «мы» местоимению «я», относя себя к какому-либо сообществу. У интровертов вследствие компенсаторной функции подсознание настраивается на восприятие объективного мира и его внутренней зависимости. Интровертированная установка сознания опредмечивается в знаковой деятельности в виде синтетического целостного описания ситуаций путем использования лексики с более абстрактным значением, соблюдения синтаксических норм, установления причинно-следственных отношений при описании ситуаций, особенно внутренних переживаний людей, последовательного развития темы диалога, предметно-аргументированного представления. Внимание интровертов устремлено на их внутренний мир, они, как правило, тщательно обдумывают мысль, прежде чем изложить ее окружающим. Они говорят гораздо меньше своих антиподов экстравертов,

однако суждения их более глубоки и продуманны, доказательны. В речи, обращая значительное внимание на самое себя, интроверты обычно употребляют местоимение «я». Как правило, они более охотно говорят только на темы, имеющие для них жизненно важное значение.

Таким образом, обозначая типы языковой личности с опорой на психологическую характеристику, мы получаем возможность объяснить соотношение психологической диспозиции языковой личности и особенностей ее проявления в знаковом конструировании. Это позволяет обнаружить механизмы опосредования содержания языкового сознания в знаковых структурах. Специфика построения картины мира во многом зависит от ряда факторов, берущих свое начало на бессознательном уровне. Экспликация (объективация) бессознательного в психологической ткани вербального текста происходит в соответствии с типом личности и глубже – с типом языковой личности. В связи с этим проблемы понимания текста с позиции когнитивно-прагматического подхода, например, в исследовании рефлексивного дискурса, могут быть разрешены с помощью подключения к процедуре анализа лингвопсихологического аспекта говорящей личности. Конкретизация языковой личности в ее знаковом воплощении, осуществленная, согласно нашей гипотезе, на основе концепции К. Г. Юнга, включает не только реакцию человеческого сознания на жизнь, но и ряд факторов, берущих свое начало на бессознательном уровне. Предложенная классификация не включает индивидуумов в узкие категории, но отмечает общие тенденции, или способы бытия, в соответствии с которыми для каждой личности выстраивается своя картина мира, специфически воплощенная в дискурсе. В представленной нами классификации два лингвопсихологических типа опираются на интуитивистскую основу (метасимволическая языковая личность и эмпатическая языковая личность), два – на сенсорную (фактографическая языковая личность и репрезентативная языковая личность), что отражает самую большую разницу между людьми. Именно эта психологическая характеристика влияет на взгляды человека на окружающий мир, поскольку принцип восприятия окружающего мира как один из важнейших параметров психологической характеристики личности связан со способом получения информации.

В целом в моделировании языкового сознания личности участвуют следующие выявленные координаты: экставертивность – интровертивность, сенсорность – интуитивность, рациональность – эмоциональность, активность – созерцательность. Они задают вероятностный способ формирования опыта, или картины мира, субъектом. Включение в процесс исследования психологических параметров личности позволит учитывать принцип психологической релевантности при моделировании языковых личностей на основе лингвистических критериев. Выявление психологических инвариантных структур, лежащих в основе специфики построения дискурса, составляет одну из задач лингвопсихологии.

3. Вопросы для зачета

- 1. Подходы к изучению дискурса**
- 2. Соотношение понятий «текст» -- «дискурс»**
- 3. Теория дискурса и межкультурная коммуникация**
- 4. Роль дискурсивных факторов в языковой структуре**
- 5. Типология дискурсов**
- 6. Теория речевых актов и теория дискурса**
- 7. Коммуникативное поведение**
- 8. Языковое сознание**
- 9. Языковая личность, ее типология**
- 10. Картина мира, языковая картина мира**

4. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

а) основная литература:

Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке [Электронный ресурс]: Учебное пособие - М.: Флинта: Наука, 2014. - 416 с.

б) дополнительная литература:

Арутюнова Н.Д. Дискурс//Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990, с. 136-137.

Барт Р. Лингвистика текста//Новое в зарубежной лингвистике, вып.8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ. – М.: Прогресс, 1989.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов//Антология концептов. – Волгоград: Прогресс, 2005.

Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007.

Крегер О., Тьюсон Дж. Типы людей: 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. М.: АСТ; Астрель, 2005. 352 с.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М, 1996..

Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста.// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста – М.: Прогресс, 1978.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистические аспекты. – Саратов: Изд-во СГУ, 1999.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.

Гольдин В.Е. Этикет и речь. – Саратов: изд-во СГУ, 1978.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка.//Вопросы филологии. – 2007. - №9.-С.86-95.

Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся 3-8 классов. Известия АПН РСФСР, вып. 78, 1956.

Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Автореф. дисс...д.ф.н. Волгоград, 2012.

Сухих С. А. Коммуникативная компетентность. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. 155 с.

Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе. Краснодар: ЮИМ, 2004. 156 с.

Ступина Т.Н. Лингвистический эксперимент в изучении немецкого и русского ритуального дискурса// Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. Материалы международной конференции (Москва, март 2013). – Москва: Изд-во РУДН, 2013. – С. 308- 314.

Ступина Т.Н., Леонова Е.В. Реализация тактики самоатрибуции в дневниковом дискурсе.// Вестник Восточно-Сибирского гос. ун-та

технологий и управления: Научно-технический журнал. №1 (46) – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014, с.146-152.

Тайгер П., Баррон-Тайгер Б. Читать человека как книгу / пер. с англ. А. В. Сверчкова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 288 с.

Цибизов К.С. Самопрезентация языковой личности в немецком молодежном чат-дискуре. – Дисс. ... к.ф.н. Саратов, 2009.

в) рекомендуемая литература:

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания//Вопросы языкознания. 1995, 31, с.37-66.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. – Сочи, 1999.

Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999

Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: Лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство – Автореф. дисс. ....д.ф.н., Волгоград, 2012.

Галкин Д. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна. //Критика и семиотика. Вып. 1-2, Томский госуниверситет, 2000, с. 26-34.

Горошко Е.И. Электронная коммуникация (гендерный анализ//Общение, языковое сознание и межкультурная коммуникация. – М.: Институт языкознания. 2005.

Интернет-коммуникация как новая речевая формация. Коллективная монография – М.: Флинта, Наука, 2012.

Лепшева Н.А. Жанровые особенности компьютерного дискурса.//Вестник Челябинского госуниверситета. 2009, №43 (181). Филология. Искусствоведение. Вып. 39, с.88-94.

Никифоров О.Ю. Подходы к пониманию виртуального дискурса. // Гуманитарные научные исследования. – Июнь 2013. № 6

Остин Дж. ИЗБРАННОЕ. Перевод с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. - 332 с. С.13-135.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации// Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007

Степанов Ю.С. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993 (в соавторстве с С. Г. Проскуриным)

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998

Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007

Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности» М., 2010

Серль Дж. Что такое речевой акт. //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. - М., 1986. - С. 151-169.

И.А.Стернин. Введение в речевое воздействие. Воронеж. 2001.

Ступина Т.Н., Кулакова Е.И. Чат-дискурс в социолингвистическом аспекте.// Прикладная лингвистика сегодня и завтра: актуальные

проблемы. Материалы 4 Межвузовского студенческого форума по прикладной лингвистике, 20 февраля 2013г.: Вып.3. – Жуковский: МИМ ЛИНК, 2013.- с.94-99.

Ступина Т.Н. Лингвистический эксперимент в изучении немецкого и русского ритуального дискурса// Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. Материалы международной конференции (Москва, март 2013). – Москва: Изд-во РУДН, 2013. – С. 308- 314

Ступина Т.Н. Нарративный металепис как маркер идиостипии современного немецкоязычного молодежного романа.// Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. Материалы международной конференции (Москва, март 2014). – Москва: Изд-во РУДН, 2014. – С. 308- 312.

Юнг К. Г. Психологические типы / пер. с нем.; под общ. ред. В. В. Зеленского.

г) программное обеспечение

Каталог образовательных Интернет-ресурсов.

<http://www.onlinedics.ru/slovar/fil.html>

URL:http://www.edu.ru/modules.php?op=Web_Links&file=index&l_op=viewlink&cid=2466

URL: http://www.school.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=7660&pg=4

Электронная библиотека восточной и иностранной литературы. URL: <http://www.eastlib.narod.ru/>

Рубрикон. Энциклопедии. URL: <http://www.rubricon.com/>

Студенческая энциклопедия «Британника». URL: <http://www.britannica.com/>

Мир энциклопедий. URL: <http://www.encyclopedia.ru/>

Яндекс. Словари. URL: <http://slovari.yandex.ru/>

Информационно-образовательный портал «Гуманитарные науки». URL: <http://window.edu.ru/window>

Национальная электронная библиотека (НЭБ). URL: <http://www.rusneb.ru/>

Электронная библиотека учебников. URL: <http://studentam.net/>

. <http://www.philology.ru/>.

URL:<http://web.snauka.ru/issues/2012/012/2034>

URL:<http://web.snauka.ru/issues/2013/06/2587>

URL:<http://www.yspu.yar.ru>

www.chat.com

www.generation.uz.